

К.Ю. Ерусалимский

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ORCID ID 0000-0002-3961-2376
Scopus ID 57193688461
kerusalimski@mail.ru

НЕВЕСТЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ XV-XVIII ВЕКОВ: ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ РАССЕЛА МАРТИНА

Ключевые слова: Рассел Мартин, Гарвардская школа, Московская Русь, Петровская Россия, Рюриковичи, Романовы, царские невесты, русские придворные свадьбы, церемониальная история России.

Аннотация: Исследования американского слависта Рассела Мартина развивают тезис Гарвардской школы о запуске ключевых символических и политических механизмов Московского царства и Петровской России благодаря царским свадьбам и матримониальной политике. Благодаря этим исследованиям, и прежде всего двум монографиям 2012 и 2021 гг., удалось по-новому раскрыть многие обстоятельства придворной борьбы в России Нового времени, показать разрывы и преемственность с древнерусским периодом и Революционной Россией XX века, а также впервые на широком круге источников при помощи методов культурной антропологии и исторического источниковедения рассмотреть развитие брачных обрядов в Московском царстве и далее вплоть до конца XVIII в. Исследования Р.Э. Мартина сочетают «фондовый» метод тотального просмотра документации по выбранному предмету и детальный культурно-семиотический и исторический анализ ритуалов. В статье предпринята попытка пошагового комментария к работам американского историка и их критического осмысления на фоне ряда исторических дисциплин — среди них, прежде всего, исторической генеалогии и династической истории, исторической хронологии и политической антропологии.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 24-18-00290. Выражаю глубокую благодарность Р.Э. Мартину за доступ к английским версиям его книг, а также И.Д. Прохоровой и М.М. Крому за онлайн-дискуссию о переведенной и изданной в издательстве «Новое литературное обозрение» книге.

Для цитирования: Ерусалимский К. Ю. Невесты российской власти XV-XVIII вв.: об исследованиях Рассела Мартина // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 220–285. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Статья поступила в редакцию: 29 сентября 2024 Принята к печати: 01 октября 2024

K.Yu. Erusalimskii

European University at St. Petersburg
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-3961-2376
Scopus ID 57193688461
kerusalimski@mail.ru

THE BRIDES FOR THE RUSSIAN RULERS, 15TH TO 18TH CENTURIES: RUSSELL MARTIN'S CONTRIBUTION

Keywords: Russell E. Martin, Harvard school, Muscovy, Petrine Russia, Rurikids, Romanovs, Tsars' brides, Russian court marriages, Russian ceremonial history.

Abstract: The research of the American Slavist Russell E. Martin develops the Harvard School's thesis about launching of the key symbolic and political mechanisms in Muscovy and Petrine Russia through Tsars' weddings and matrimonial politics. These studies, and above all R.E. Martin's two monographs (2012 and 2021), make possible to shed new light on numerous circumstances of the court struggle in Early-Modern Russia, to show the discontinuities and continuity with the Old Russian period and Revolutionary Russia of the 20th century. Innovative use of a wide range of sources, with the help of methods of cultural anthropology and historical source study, resulted in a detailed study of the development of marriage rites in the Moscow kingdom and later, up to the end of the 18th century. R.E. Martin's works combine the "stock" method of total review of documentation with cultural-semiotic and historical analysis of the rites. The article attempts a step-by-step commentary on the works of the American historian and their critical reflection against the background of a number of historical disciplines — among them historical genealogy and dynastic history, historical chronology and political anthropology.

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant of the Russian Science Foundation, No. 21-18-00181. I am deeply grateful to Russell Martin for access to English versions of his books, and to Irina Prokhorova and Mikhail Krom for online discussion on the monograph by Martin, translated into Russian and published by the NLO books publishing house.

To cite this article: Erusalimskii, Konstantin. "The Brides for the Russian rulers, 15th to 18th centuries: Russell Martin's Contribution". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 220–285. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-220-285

Публикации видного американского историка-антрополога Рассела Мартина заполняют одну из наименее продуманных ниш социальной истории России Раннего нового времени: область гендерных исследований высшей власти, правящих кланов и династической (а также междинастической) борьбы за власть и влияние в различных сферах жизни внутри страны и на международной арене. Если недавно переведенная на русский язык монография «Невеста для царя»¹ в большей мере концентрируется на культурно-просопографическом анализе свадебных церемоний и матримониальной политики высшей власти, то в не менее значимой для русистики «Государевой радости»² автор обращается к ритуально-символической составляющей брачных церемоний. Единая оптика в интерпретации царских свадеб *до-Петровской* и *Петровской* России подкреплена несколькими тезисами, которые кристаллизовались в научных дискуссиях о методе Гарвардской школы русистики. Этими двумя монографиями научный задел Р.Э. Мартина отнюдь не исчерпывается, и ниже мы рассмотрим их на общем фоне той проблематики, в которой уже более трех десятилетий развивается его творческий поиск³.

Оставляя в стороне проблему целостности и состоятельности метода Гарвардской школы, было бы важно отметить

-
- 1 **Martin.** 2012; ссылки по рус. пер.: **Мартин.** 2023.
  - 2 **Martin.** 2021.
  - 3 Готовится к публикации также еще одна монография авторства Рассела Мартина — «Стать царем: смена династии в России Раннего нового времени» (“Becoming the Tsar: Dynastic Change in Early Modern Russia”). В данной работе мы не претендуем на то, чтобы раскрыть взгляды Р.Э. Мартина на династическую историю, однако неоднократно затрагиваем их по мере обсуждения тех проблем, которые стали ключевыми в интересующих нас двух книгах. См. также: **Martin.** 2012a; **Martin.** 2016; **Мартин.** 2016; **Martin.** 2024.

ключевые методические тезисы, которые Р.Э. Мартин разделяет, считая их достоянием данной школы⁴.

Гарвардский метод построен на идее преемства между Московским, Петровским и Советским периодами русской истории, при этом культурное единство между Московским и Киевским периодами русской истории рассматривается в рамках данной научной школы как размытое монгольским владычеством⁵. Гарвардские историки проявляют сдержанное отношение к роли таких личностей, как Иван III, Иван IV, царь Алексей Михайлович и Петр I, подчеркивая не разрывы и революции, как правило самодержавно-монархического плана, а непреодолимость глубинных структур, которым политические усилия царей и их ближайших советников были скорее подчинены. Яркий пример — игнорирование (или системный пересмотр) «революционных» поворотов в жизни Московской Руси. В

-
- 4 Термин «Гарвардская школа» вызвал бурную дискуссию и кристаллизовался, как можно полагать, благодаря самой этой дискуссии. Маршалл По оспаривает ключевые тезисы, приписываемые Гарвардской школе, и считает сам подход надуманной реакцией на будто бы «русофобский» сценарий экспертизы, укорененный в записках иностранцев о Московии, сочинениях историков-этнографов и трудах Ричарда Пайпса. Ни пафос «блудного сына» в этой критике, ни острота антитезисов не решают проблемы применимости самого термина «Гарвардская школа», но и не отменяют возможности отграничить ее метод. Р.Э. Мартин принимает сам термин и считает себя апологетом данного метода. См.: **Poe.** 2000; **Perrie.** 2005; **Martin.** 2006a; **Martin.** 2006b.
- 5 Это не служит препятствием для исследователя, обращающегося к «источкам» свадебного обряда: к древнерусскому летописанию, памятникам церковно-литургического чтения и даже к такому спорному по датировке источнику, как «Слово о полку Игореве», который А.А. Зимин, Э.Л. Кинан и ряд других исследователей относят к концу XVIII в. В числе других сомнительных источников в одном ряду со «Словом» — этнографические выкладки с «дохристианскими» ретроспективными амбициями, публикации А.И. Сулакадзева и И.П. Сахарова. Ко всем этим источникам автор относится с должной осторожностью (см.: **Martin.** 2021. Ch. 1; в гл. 5 см. с. 139, 154; см. также в нашем обзоре ниже о «хронике» свадеб Ивана Грозного из собрания А.И. Сулакадзева).

работах Рассела Мартина, как мы увидим ниже, это осмысленный шаг: автор обнаруживает существенные перемены на каждом этапе развития матримониальной и династической политики российских властей, а также свадебного ритуала, и, как результат, «революции» охватывают весь изучаемый период, а не только выбранные в рамках в той или иной оптики «знаковые» события⁶.

Как следствие, высшая власть рассматривается как ширма («самодержавный фасад»), за которой в долгом времени истории выстраивались глубинные макрособытия — властные репрезентации, правила придворной конкуренции, бюрократические порядки, далекая от прямого властного регулирования сельская крестьянская экономика. Высшая власть выражала себя не столько при помощи формул и демонстраций своего всевластия, сколько через балансирование различных сил, устранить и даже видоизменить которые она была не властна. Политический порядок устанавливался, таким образом, благодаря каждодневной игре и перераспределению означающих, и в этом смысле политикой было бы точнее считать не властные распоряжения, а коллективные церемонии, церковные процессии, ритуальные последовательности и прочие «государевы радости».

Учитель Р.Э. Мартина Э.Л. Кинан был убежден, что царские свадьбы были одним из главных, если не главным, инструментом «московской народной политики». С этим выводом ученик в полной мере солидарен и не раз ссылался на него в своих работах⁷. В церемониальном мире двора работали

6 См., например: **Martin**. 2010; **Martin**. 2021: 92, 99-100, 212-214.

7 **Keenan**. 1986; **Martin**. 2010. См. в данной работе примеч. 8 и 9. Здесь ссылки на длительную дискуссию. См. здесь ниже о роли смотров невест, свадеб и матримониальной политики для концепции династической преемственности в России XV-XX вв.

множественные структурирующие закономерности и подспудные механизмы, которые вызывают дискуссии, однако никто не спорит с тем, что определенная упорядоченность и стройность в репрезентациях власти заметна даже невооруженным глазом. Как подчеркивает Р.Э. Мартин:

...свадебные ритуалы были вершиной ритуального мира государева двора. Они были даже более значимы для политической культуры, чем коронации. Эти ритуалы были наполнены символическим значением, и москвиты вкладывали огромные ресурсы – как человеческие, так и фискальные – в их проведение и в то, чтобы провести их правильно⁸.

Опорой для построений Гарвардской школы служат культурно-антропологические сравнительно-исторические методы, близкие к прагматизму, структурализму и функционализму. Проблема брачных обычаев москвитов раскрыта в книге Рассела Мартина 2021 г. с опорой на методы интерпретации Арнольда Ван Геннепа, обнаружившего ряд сходств в обрядах *перехода* у древних и современных народов, а также на концепцию «текстуализации ритуала» Кэтрин Белл и на понятие «текстуального события» Доминика ЛаКапра, при помощи которых удается понять, как запись ритуалов в Московском царстве превращалась в самовоспроизводящийся канон. Впрочем, в методологии анализа Мартина немало заимствований и из других направлений социальной и культурной антропологии. Это — характерная черта исследований российской истории, выполненных в рамках Гарвардской школы⁹.

В монографиях 2012 и 2021 гг. основными источниками для Рассела Мартина выступают свадебные чины, свадебные разряды, «отписки» из корреспонденции, прежде всего —

---

8 **Martin.** 2021: 5, см. также с. 167-168.

9 **Martin.** 2021: 35, 51 и др.

хранящейся в фонде «Древлехранилища» (ф. 135) Российского государственного архива древних актов. Этому фонду, его формированию, предыстории, составу и первым читателям автор посвятил значительную часть своей докторской диссертации и отдельное монографическое по объему исследование, тем более ценное, что многие «дела» из этого фонда являются разновременными списками разрядно-свадебной документации, потребовавшими специальных источниковедческих методик, чтобы установить ее происхождение и развитие. Например, со всей очевидностью благодаря такому исследованию вырисовался вывод, что «дела» XVI в. сохранились главным образом благодаря их копированию в 1620-е гг. с целью создать новый «канон» свадебного чина и при его помощи закрепить преемственность новой правящей династии (в целом, 470 единиц хранения фонда охватывают период с 1264 по 1775 гг.)¹⁰.

Ценность документов данного архивного фонда, прежде всего, в том, что они показывают, как осуществлялись масштабные церемониальные мероприятия, среди них царские смотрины, как и кем свадебные чины «продюсировались» и «инсценировались», какие различные эмоции вызывали в столичных и провинциальных кругах (например, укрывательство дочерей, различные отговорки об их негодности к смотринам, местнические процессы на свадьбе и т.п.). Сохранились также свадебные разряды (часть — в поздних копиях, в начале XVII в. фиксируется даже обычай сожжения разрядов для примирения местных процессов), списки приданого (большинство избранниц российских царей приданого не имели), рассказы о брачных обычаях у древних и зарубежных народов (в том числе возможные византийские образцы российских свадебных обрядов, доступные в ряде текстов между трактатом «Об управлении

---

10 Martin. 1996; Martin. 2003; Martin. 2004; Martin. 2006; Мартин. 2011.

империей» Константина Багрянородного и чинами эпохи Софьи Палеолог), упоминания о свадебных обычаях москвитов у иностранных представителей в России и российских перебежчиков за рубежом (Джайлс Флетчер, Адам Олеарий, Сэмюэл Коллинз, Григорий Карпович Котошихин и др.), источники неопределенного социального происхождения и репрезентативности («Домострой», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.), а также памятники правового назначения («Кормчая книга», сочинения покаянной дисциплины и др.). Особый круг — визуальные источники, среди них изображения царственных женщин и свадеб в Лицевом летописном своде Ивана Грозного, Царицыных палатах, в иконописи и памятниках так называемого декоративно-прикладного искусства. Можно было бы сожалеть лишь о том, что в монографиях 2012 и 2021 гг. не уделено внимания уникальным художественным объектам — двум полотнам Государственного исторического музея и их репликам, на которых изображена свадьба Лже-Дмитрия I и Марины Мнишек в Кракове и Кремле. Их ценность для изучения событий ноября 1605 г. и мая 1606 г. не вызывает у исследователей сомнений.

Рассел Мартин отмечает парадоксы и перекосы в источниковом освещении царских свадеб. Один из них — составление свадебных разрядов в правление Василия III в великокняжеской канцелярии, в правление Ивана IV — в Посольском приказе и, вероятно, его центральной части — Царском архиве, а позднее — еще и при участии Разрядного приказа и Большого Дворца¹¹. Источниковедческую загадку представляет момент зарождения инвентарей приданого, свадебных чинов и разрядов. По мнению исследователя, они могли возникнуть под влиянием дворовых и монастырских приходо-расходных книг в конце

---

11 Об этом подробно см.: **Martin**. 2021. Ч. 5.

XV в.¹² Сравнение сведений Григория Котошихина и «Домостроя» в ряде публикаций Р.Э. Мартина показало, что и Котошихина с составителями «Домостроя» объединяли общие источники и знания о местных практиках — правилах и особенностях царских торжеств и в целом придворной и аристократической жизни в России. При этом записки чиновника-эмигранта и списки «Домостроя» допускали явные и невольные отступления от актуальных российских реалий. Например, Котошихин лучше знал свадебный чин царя Алексея Михайловича с Евфимией Всеволожской, чем его же чин с Марией Милославской, и ошибался в определении момента помолвки и места венчания царской четы. Что же касается главы 67 «Домостроя» со свадебным чином, то она, по наблюдению ряда исследователей, была присоединена к памятнику позднее основного текста, вероятно — около XVII в., причем наиболее пространная версия чина выступает в рукописной традиции то вместе с другими разделами «Домостроя», то отдельно от них как особый памятник. В этом памятнике приводятся и неизвестные по другим источникам сведения. Одно из них баня молодоженов в третий день свадьбы. Р.Э. Мартин присоединяется к мнению Бенджамина Урова (Benjamin Uroff), согласно которому Котошихин в своем описании московских свадеб опирался на свадебные чины (к которым мог быть лично причастен) и на «Домострой» и делает еще один шаг в реконструкции генезиса «Домостроя», допуская связь между главой 67 и работами дьяков Посольского приказа над воссозданием свадебного чина в 1620-е годы — значимость этих работ отразил и служащий Посольского приказа следующей генерации Котошихин¹³.

Основные сюжеты обеих обсуждаемых книг сфокусированы на истоках обрядов, свадебном чинопоследовании в

12 Martin. 2021: 22, 26.

13 Uroff, Poe. 2014: 321-329; Martin. 2021: 65-75.

царских семьях, пространственно-временных обстоятельствах вступления в брак — возрасте и происхождении брачующихся, клановых связях и других церемониальных обстоятельствах. Как уже говорилось выше, антропологическая составляющая проявляется в заполнении паттернов. От свадебного разряда второго брака Василия III не осталось «чинов» второго и третьего дня свадьбы — можем ли мы перенести данные других царских свадеб на неизвестные нам по источникам события января 1526 г.? Подробная роспись второго и третьего дней — это, в целом, реалии «чинов» XVII-XVIII вв., и прежде, чем мы увидим, как наши неполные знания истории организации царских свадеб сказываются на различных уровнях интерпретации, необходимо понять, какие формы культурной и политической жизни скрываются за сухими раскладками церемоний.

Прежде всего, сочетаются ли в церковных обрядах и в церемониях за их пределами христианская и *до-* или *не-*христианская стороны брака? Как и в случае с *до-Петровским* и *Петровским* периодами русской истории, отношение к дохристианским проявлениям в русской обрядности у сторонников Гарвардской школы граничит со скепсисом. Убедительным представляется в построениях Р.Э. Мартина игнорирование столь привычной для антропологии культуры концепции «двоеверия». Кажется, не осталось уже ни одного убедительного аргумента в пользу этой гипотезы, некогда легко переносившейся из эпохи в эпоху и с одних источников на другие. Московское государство XV — начала XVIII в. не было мешаниной древних поверий и христианства. В концепции американского историка две основные гипотезы принципиально иные, хотя в ряде случаев исследователь говорит, например, о «дохристианских символах» (“pre-Christian symbols”)¹⁴, «нехристианских ритуалах» (“non-Christian

14 Martin. 2021: 37, 62, 90-91, 126, 186.

rite")¹⁵ или «языческом ритуале» (“a pagan rite”)¹⁶. Впрочем, никакой особой системности и даже просто религиозности автор им не приписывает, а наоборот, подчеркивает — вслед за Майклом Чернявским — искусственный характер этих «поверий» и — вслед за Ив Левин — не столько языческую подкладку *двоеверия*, сколько «фолк-версию христианства».

В монографиях Р.Э. Мартина 2012 и 2021 гг. нет ни слова о том, относятся ли изучаемые *до-* и *нехристианские* реалии свадебных обрядов Московии к местным магическим культам или встроены в обрядность христианского происхождения, которая сама по себе к местным культам имеет неясное отношение. Границы между *христианским* и *дохристианским* были сформированы изнутри собственно древнего исконного христианства, а также из православия в его противостоянии с католичеством и реформационными учениями, поэтому не вполне убеждает даже предположение — с опорой на концепцию Пола Бушковича — об усилении религиозной ригидности в отношении властей к свадебным обрядам на фоне общеевропейских конфессиональных процессов XVII в.¹⁷

С одной стороны, церковное венчание постепенно сближалось по времени и по ритуальной последовательности с обручением, как это было в Византийской империи, где два эти обряда изначально были разъединены с немалой дистанцией друг от друга во времени (согласно «Эклоге», обручение должно было отстоять от венчания минимум на год). Связь между двумя этими обрядами носила не безусловный характер, поскольку целиком зависела от вероисповедания брачующихся. Когда в 1573 г. вступали в брак княжна Мария Старицкая и

15 Martin. 2021. Ch. 4, здесь с. 101 и сл.

16 Martin. 2021: 126.

17 Ср.: Martin. 2021: 104.

эрцгерцог Магнус, а в 1605-1606 гг. — Лже-Дмитрий Иванович и Марина Мнишек, между этими обрядами дистанция была восстановлена по понятным причинам: в первом случае Магнус был протестант, а во втором Марина Юрьевна — католичка.

С другой стороны — венчания XVI в. отразили не какие-то славянские или русские дохристианские обычаи, а местные органичные российские особенности в обрядах перехода (включая сепарацию невесты, ее переход и принятие-воплощение в новую семью), о которых говорил Ван Геннеп. «Полный» чин предполагал, что невеста меняет свое имя, ее прячут на время в терем и нарекают новым титулом. Впрочем, и ряд других элементов свадебного чина Р.Э. Мартин толкует в связи с логикой перехода и сепарации: невесту причесывают гребешком, ей надевают на голову кичу, жениха и невесту осыпают хмелем, невеста раздает ломтики хлеба и кусочки сыра гостям — практически все элементы чина раскрывают те или иные символические подтексты. Прежде всего, они преобразуют брачующихся, наделяя новой идентичностью, намекают на различные благопожелания — богатство, плодовитость, гостеприимство, радости брака. Конечно, было бы странно не видеть в бракосочетании до этого периода аналогичных подтекстов.

Кропотливый сбор данных о свадебных обрядах до конца XV в. отличается в книгах Р.Э. Мартина убедительным игнорированием поздних этнографических свидетельств, которые в науке XIX в. стало дурным обычаем накладывать на древние реалии. Недостаток в книге 2021 г. разве что можно найти в том, что, говоря об обычаях домонгольской Руси, автор не останавливается на формуле *хочу / хоцю*, показывающей допустимую волю девушки не только в легенде о Рогнеде, но и в берестяных грамотах¹⁸.

18 В грамоте № 377 с Неревского раскопа (усадыба И) последней трети XIII в. от Микиты к Малании мужчина обращается к любимой девушке со

Рюриковичи, с точки зрения Р.Э. Мартина, придерживались родовой и династической идеи в матримониальной политике и в порядке передачи княжеских столов. Этот порядок, по мнению автора, претерпел в Московском царстве серьезные перемены, начавшиеся в 1495-1505 гг. (после свадьбы дочери Ивана III Елены Ивановны с Александром Казимировичем). Согласно данному мнению, до этого десятилетия принцип майората не был обязывающим началом, в праве он не был ни закреплён, ни даже проговорен, а возвышение Ивана III после гражданской войны середины XV в. опиралось на родство еще вне устойчивой системы координат (никто из Калитовичей до Василия II Темного и Ивана III не назначал своего старшего сына себе в соправители).

Следующий тезис может показаться лишь формальной привязкой к данным рассуждениям, однако связь оказывается гораздо более глубокой. Чтобы утвердить династический принцип правления и майорат в наследовании престола, великим князьям московским пришлось отказаться от рискованных и в экономическом смысле весьма дорогостоящих междинастических браков, именно потому что проект брака Елены и Александра не оправдал ожиданий Ивана III, а внутренний конфликт между великим князем и Софьей Палеолог, с одной стороны, и их снохой Еленой Стефановной и ее сыном от великого князя Ивана Ивановича Дмитрием — с другой, показал ущербность прежней политики. Устойчивость династии в связи с чередой данных весьма частных обстоятельств получила привязку к идее венчания великих князей с девушками из *холопских* родов. Исключений в этом ряду Р.Э. Мартин видит всего

словами: «Азь тьбе хоцю а ты мене» (Гиппиус. 2004: 222; Пушкарева. 2011: 17). Обратим внимание, впрочем, что воля девушки сформулирована в данном случае не ею самой, а приглашающим ее в брак мужчиной.

пять за весь XVI и за начало XVII в., но все они подтверждают правило: даже иноземные принцессы и принцы перед вступлением в брак проходили обряд инициации, который превращал их в подвластных царя и великого князя. Именно этот переход заложил основания для устойчивой матримониальной политики московских правителей, которая оказалась более долговременной, чем династии и династические связи, и пережила сокрушительные на вид реформы Петра I, сойдя на нет лишь с указом Павла I о престолонаследии от 5 апреля 1797 г.¹⁹

В целом, вырисовывается целостная концепция, отправной точкой для которой служит история великокняжеской четы — брачного союза дочери Ивана III и сына Казимира IV. Рассуждая о свадьбах второй половины XV в., Рассел Мартин поддерживает гипотезу Джона Феннела о стремлении Ивана III использовать дочь Елену для переманивания рутенской знати к себе на службу. Этот взгляд, как показал еще канадский историк Освальд Бакус (Oswald P. Backus), опирается на анахроничные аргументы по отношению к самому моменту брака, а оценка дальнейшего правления Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском лишена в книге как польско-литовской перспективы, так и ссылок на обширную литературу о Елене Ивановне как великой княгине литовской и некоронованной польской королеве²⁰. Нельзя, тем не менее исключать, что оптика в данном случае обманчива в целом ряде логических звеньев:

---

19 **Martin.** 2010; **Martin.** 2024.

20 Польско-литовский контекст выпадает из поля зрения Р.Э. Мартина в ходе обширной дискуссии о приданом, дворе и мотивациях Елены Ивановны в замужестве. В целом, постановка вопроса о том, могла ли православная московская великая княжна, вступив в брак с великим князем литовским, превратиться в суверенную правительницу в Великом княжестве Литовском и Короне Польской, остается значимым вопросом в дискуссии. См.: **Łowmiański.** 1999 (по указателю); **Garbacik.** 1961; **Wdowiszewski.** 2005: 108–110; **Bogucka.** 2018; **Rutkowska, Kozak.** 2020.

Во-первых, Иван III мог не считать этот брак в полной мере «заграничным». Этим подпитывались и претензии великого князя московского на *всю Русскую землю* в обмен на династический брак.

Во-вторых, замысел блюсти православие мог принадлежать не великому князю, а великой княгине Софье Фоминичне (именно для нее в Риме вопрос чистоты веры был первоочередной). В целом, распределение ролей в выборе брачной стратегии для своей дочери между великим князем и великой княгиней остается под вопросом, но взаимоотношения между дочерью и матерью отступают на задний план в свете родительского решения, хотя влияние Софьи Палеолог на само это решение и на последующую политику Ивана III могло быть значительно большим, чем отмечено в доступных ныне источниках.

В-третьих, неясно, как вообще оценивал Иван III брак своей дочери, известно лишь, что вопрос престолонаследия возник в Москве в неопределенный момент в конце XV в., но возник ли он как следствие смерти Ивана Ивановича Молодого и борьбы придворных группировок за власть после его смерти и кто именно входил в состав этих группировок – мы знаем почти только из событий, ставших развязкой этой борьбы. Позднейшие покаянные речи Ивана III о событиях конца XV в. могут доказывать лишь то, что он чувствовал свою личную вину за разжигание придворного кризиса, а борьба велась уже, вероятно, великой княгиней Софьей Фоминичной против опекунов великого князя Дмитрия Ивановича по предполагаемому прозвищу Внук²¹.

В оценке этих событий Р.Э. Мартин поддерживает концепцию Н.Ш. Коллманн и дополняет ее новым аргументом, полагая, что переворот 1499 г. вызван был династическим

---

21 Шокарев. 2022.

кризисом и браком кн. Ф.И. Бельского с кн. Анной Васильевной Рязанской. Аргумент строится только на родстве между Бельскими и Патрикеевыми — они были Гедиминовичами, а их властные амбиции будто бы зашли настолько далеко, что возможности построения матримониальных союзов при дворе при их участии к этому моменту были исчерпаны²². Но непонятно в этой интерпретации, почему в ходе разыгравшегося кризиса ни брак Бельского, ни права рязанских князей не пострадали. Кроме того, как мы уже отметили, позднее Иван III видел в тех событиях свою явную уступку именно жене, детям от второго брака и их придворным сторонникам. Смена настроений у великого князя около 1503 г. была настолько выразительна, что его сын Василий Иванович планировал даже побег из страны. Исследователь не обращает внимания на эти факты, хотя они могли бы позволить увидеть в событиях 1499-1503 гг. не только придворную борьбу за право наследования московского трона, но и пролить свет на религиозное самосознание и политический статус великой княгини Елены Ивановны в Великом княжестве Литовском. Мир с Литвой в 1503 г. вряд ли говорил о том, что цели войны Москва считала достигнутыми. Может быть, вернее было бы предположить, что поменялись планы, появилась задача выгодно женить княжича Василия Ивановича и иные ставки на Елену Ивановну сгорели?

Интересное предположение звучит в политической оценке свадьбы кн. В.Д. Холмского и Феодосии Ивановны 13 февраля 1500 г.:

Композиция поезда намеренно разрабатывалась так, чтобы в одном месте публично собрались родственники жертв разгрома

---

22 Kollmann. 1986: 253; Мартин. 2023: 68.

провасильевской партии в 1497 году и родственники Патрикеевых, свергнутых в предыдущем году²³.

Великий князь стремился, хотя бы внешне, соблюсти равновесие в придворном мире. И брак дочери с подвластным князем был как нельзя кстати. Впрочем, был ли это первый брак представителя великокняжеской семьи с подданным? Учитывая еще один великокняжеский брак Евдокии Ивановны с царевичем Петром (Кудайкулом) (в 1506 г.), нельзя ли предположить, что родство великокняжеской семьи с литовскими или татарскими родами было частью компромиссной программы? Дочерей все же считалось допустимым в русских традициях выдавать за суверенов или формальных носителей суверенитета (т.е. князей не из Рюриковичей).

Брак Василия III в 1503-1505 гг. был в этом смысле лишь отчасти продуман как реализация византийской традиции или воспроизведение библейских сюжетов (Р.Э. Мартин критично относится к предположению о влиянии гл. II книги «Есфирь» на смотри невест)²⁴, одобренная своевольным выбором княжича Василия Ивановича (Соломония Сабурова ему самому нравилась). Невесту княжичу все же искали за границей, но не нашли, потому что условие перехода невесты в православие было недопустимо с точки зрения всех приемлемых кандидатур. Р.Э. Мартин в интерпретации брака кн. Василия Ивановича с Сабуровой принимает линию Н.Ш. Коллманн и вслед за ней рассуждает о новой стратегии женить сыновей на сравнительно низкородных девушках. В книге 2021 г. звучит вывод: «Обычно невесты происходили скорее из русских служилых семей средней руки, чем из высоких боярских кланов, и таким

---

23 Мартин. 2023: 68.

24 Ср.: Мартин. 2023: 90, 147.

образом почти всегда были аутсайдерками»²⁵. На этом выводе строится ряд других предположений. Например, неприятие местнических споров за свадебные разряды Р.Э. Мартин объясняет стремлением угодить невестам:

Поскольку царские невесты в XVI-XVII вв. почти всегда были из служилых родов средней руки, было бы невозможно придерживаться обычных местнических правил, иначе ни одна семья невесты не смогла бы присутствовать на свадьбе своей родственницы. Свадьбы должны были стать свободной от местничества зоной, чтобы средне-родовитые могли объединиться с более знатными, а двор смог бы это принять — конечно, если ты только не Голицын²⁶.

Впрочем, принцип из самого повествования в книгах 2012 и 2021 гг. просматривается несколько иной — как правило, местные избранницы представляли либо крупный боярский род, но его небоярскую ветвь (исключениями служат один брак царевича Ивана Ивановича и брак царицы брата Юрия Васильевича, т.е. в обоих случаях все же не действующих монархов), либо мелкопоместный род, не грозящий сложившейся расстановке сил при дворе и не усиливающий ни одну из существующих придворных партий (или кланов). Назвать Колтовских, Собакиных, Мелентьевых, Васильчиковых, Скуратовых-Бельских, Стрешневых, Милославских, Нарышкиных, Грушецких или Апраксиных родами «средней руки» (до вступления в царский брак их представительниц) было бы для них в XVI-XVII вв. большим одолжением. Следовательно, если личный выбор князя Василия Ивановича (будущего Василия III) в пользу Соломони Сабуровой выбивается из предполагаемого ряда подобных браков, может быть — перед нами исключительный

25 **Martin**. 2021: 11.

26 **Martin**. 2021: 136. Драматичное местническое дело кн. И.В. Голицына, открывшееся его челобитием против свадебного разряда сентября 1624 г. и закончившееся конфискацией его имущества, ссылкой и смертью два года спустя, рассмотрено Р.Э. Мартином в гл. 5 монографии 2021 г.

пример, ставший позднее — и далеко не сразу — прецедентом, а не чей-то замысел?

Парадоксально, что венчание Василия III с княжной Еленой Васильевной в январе 1526 г. закладывало основы венчальной традиции Московского царства (как полагает Рассел Мартин, вплоть до венчания царя Михаила Федоровича в 1626 г., то есть на 100 лет) в обстановке бурных разногласий, поставивших московский двор на грань серьезного политического кризиса. В этой обстановке возникли опасения псковского старца Филофея за Третий Рим, т.е. за *династию* — у царствующего Василия III и царицы Соломонии Юрьевны не было наследников. Филофей привел достаточные основания для развода царственной пары, тогда как афонские старцы авторитетом высшего православного совета запретили развод и встретили поддержку при московском дворе в лице ряда советников великого князя. Если Иван III был женат двумя равными браками — выходице из суверенного великокняжеского рода и на царевне, то оба брака Василия III были в политическом отношении неравные — ни представительница среднего московского боярского рода Сабурова, ни девушка из рода беглых суверенов Великого княжества Литовского, заговорщиков Глинских, которых польские короли позднее не раз называли своими изменниками, не были даже отдаленно равными московскому царственному наследнику престола и великому князю.

Продолжил эту же традицию брак Ивана IV с Анастасией Романовной Юрьевой (Захарьиной-Кошкиной) в начале февраля 1547 г. Подобный мезальянс ничем не ограничивал царственный статус потомства, однако не давал сам по себе и никаких гарантий для него на случай, если царь вступит в повторный брак. Особенность первого брака Ивана Грозного заключается в том, что впервые в российской истории великий князь сначала венчался на царство, а лишь после этого — венчался в

брак с царицей, не венчавшейся отдельным чином на царство, а воцаряющейся в силу одного только таинства венчания с венчанным царем. Это закладывало основы династического царствования в России вплоть до венчания Михаила Романова с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в феврале 1626 г., а затем — до венчания гражданской жены Петра I Екатерины Алексеевны на российский престол 18 мая 1724 г. В каждом из названных случаев свадьба вносила устойчивость в политическую систему, закрывая периоды придворных неурядиц и смут. Отчасти этой спецификой брачной политики московских и петербургских властей объясняется тенденция к межклановым брачным союзам.

Рассел Мартин вслед за видным генеалогом Н. Баумгартеном отмечает общие предпочтения в брачной политике московских правителей — удельным князьям и иностранным избраницам в XIV-XV вв., соотечественницам в XVI-XVII вв. и вновь иностранным домам в XVIII в. С этим не вполне можно согласиться. Верно ли видеть в сказанном фактор замыкания в своем московском мире поздних Рюриковичей на троне и комплекс неполноценности первых Романовых, которые не терпели для своих мужских представителей выходиц из сопоставимых по знатности родов? С одной стороны, этот фактор мог конкурировать с религиозным в XVII в. (тогда как после развода Петра I с Евдокией Лопухиной религия для царя в выборе спутницы, а позднее и для его наследниц перестает играть заметную роль).

С другой стороны, из «правила» в XVI и XVII вв. выбиваются выразительные исключения, которые нивелируют общий вывод, показывая его условность. Предпочтения первого брака обоих великих князей XVI в. — это как раз девушка из боярского рода, причем в первом случае речь не шла о женитьбе великого князя, а лишь — княжича-наследника престола, а во

втором оказалось, что брак не гарантировал сам по себе преимуществ его потомству по сравнению с возможным потомством от последующих канонических браков. Дети от брака Ивана IV с царицей Анастасией Романовной не стали ни соправителями при отце, ни даже не были венчаны на великое княжение подобно княжичу Дмитрию Ивановичу в конце XV в. При этом ни царица Ирина Федоровна (Годунова), ни царица Мария Григорьевна (Скуратова-Бельская) не становились царицами при правящем муже и, строго говоря, в фокус брачной политики последних правящих Рюриковичей не попадают. Строить статистические выводы о «правилах» от одного надежного кейса — этого, конечно, недостаточно.

Православие невесты требует еще одной процедуры в дискуссии — обращения к предшествующим иностранным бракам. Много ли среди них было таких, которые требовали перехода невесты из католичества в православие? Московские власти брали себе и удельным князьям в жены православных княжон, хотя вероисповедание Зои (Софьи Фоминичны) Палеолог вызывает подозрение — вероятно, в Риме она была католичка или проунийно настроенная православная²⁷. Брачная политика Софьи Фоминичны и ее мужа Ивана III предполагала поиск партий для своих детей за рубежом, по меньшей мере, с начала 1489 г., когда на переговорах с Николаем Поппелем в Москве обсуждался брак княжны Елены Ивановны с различными суверенами из Священной Римской империи, а Иван III желал видеть женихом своей дочери сына императора, римского короля Максимилиана Габсбурга.

Позднее Ивану Грозному, единственному царю до Федора (III) Алексеевича из Романовых, женившемуся на неправославной по происхождению девушке (княжне Кученей

---

27 Nițescu. 2021.

Темрюковне), было проще принять в жены язычницу, чем польскую (например, Анну или Катерину Ягеллонку) или английскую «королевну» (Елизавету I Тюдор, ее считали в Москве королевой) или даже девушку из ее свиты – Мэри Гастингс (ее род восходит к королю Эдуарду III). Однако на примере Кученей механизм матримониального контракта высвечен в полном объеме: черкасская княжна в окружении братьев и свиты в июне 1561 г. приехала в Москву, затем в начале июля состоялось ее оглашение, а в августе — обращение в православие и вскоре после него венчание с Иваном IV. Это также был поворотный момент в матримониальной политике — впервые была применена формула венчания правящего царя с прибывшей из-за границы иноверкой. Позднее этот принцип вполне допускался на всем протяжении существования Московского царства, о чем говорят обсуждавшиеся схемы венчания Марины Юрьевны (Мнишек) и, отчасти, Агафьи Семеновны (Грушецкой).

Усилия Ивана III и Софьи Палеолог оказались для своего времени тщетными: сохранить своей дочери православие и удачно выдать ее за неправославного европейского суверена было погоней за жар-птицей. Венчание по двойному обряду Александра Казимировича и Елены Ивановны вызвало скандал во время венчания, а их семейная жизнь так и не сложилась в полном смысле этого слова.

Предположительно, единственное исключение — брак короля Ливонии (с руки Ивана IV) Магнуса, младшего брата датского короля Фредерика II, с княжной Марией (Еленой) Владимировной Старицкой, такой же отверженной дочерью убитого по приказу царя его двоюродного брата, состоявшийся 12 апреля 1573 г. Исследователь рассматривает двойной обряд поженившейся в Великом Новгороде пары, однако парадоксально, по его мнению, что лютеранина Магнуса венчал «поп

римский». Р.Э. Мартин видит странность (“an odd description”)²⁸ в том, что так был назван лютеранский пастор, хотя в книге не отведена возможность, что Магнуса венчал именно католический священник. Позднее Магнус не жил при царе, а вдова после его смерти в 1583 г. была тайно вывезена в Россию при участии английского посланника Джерома Горсея. Брак оказался катастрофическим как для замысла создать вассальную Ливонию, так и для обоих супругов. Его ценность в матримониальных процессах, тем не менее, не вызывает сомнений и отражена в порожденной им обширной документации, из которой свадебный чин на один день свадьбы известен в двух поздних списках, а разряд — только по вторичному упоминанию в местническом деле 1588-1589 гг. и вызвал уже у боярской комиссии сомнения с точки зрения его подлинности²⁹.

Восстание, унесшее жизнь царя Дмитрия Ивановича (Лже-Дмитрия I), было спровоцировано венчанием православного царя с католичкой-царицей по двойному обряду и, вероятно, слухами о том, что царица Марина Юрьевна не обратилась в православие. Р.Э. Мартин, поддерживая интерпретацию Б.А. Успенского, исходит из двух дат венчания — брак *per procuра* и венчание царя Дмитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны в Успенском соборе Кремля, ставшее непосредственным поводом для восстания, открывшего новый виток противостояния в годы Смуты. Рассел Мартин заострил загадку этого брачного союза, предположив, что Марина Мнишек была венчана на царство (т.е. стала царицей) по особому чину, а не благодаря вступлению в брак с царем, жених и невеста не причастились, а значит, не были православными, возможно, оба, а венчавший их патриарх Игнатий был за свои

28 Martin. 2021: 117.

29 Martin. 2021: 113-118, Ch. 5.

преступления исключен из российских помянников. Практически каждый из этих тезисов — дискуссионный.

Во-первых, брак *per procura* в православном каноническом праве невозможен как таковой. Для пришедшей к власти в 1605-1606 гг. царственной пары трудность заключалась в том, чтобы сделать уже возникший католический брак законным в глазах православных подданных Российского царства. Обряд *per procura* на картине «Обручение Марины Мнишек с послом Лжедмитрия Афанасием Власьевым в Кракове 22 ноября 1605 года» характеризует существенная деталь — Власьев изображен в момент венчания в тафье, головном уборе домашнего и неофициального обихода. Московская сторона, вероятно, воспринимала весь данный обряд как полуофициальный или неофициальный³⁰. Поскольку царица Марина Юрьевна оставалась в Москве католичкой, как отмечает Р.Э. Мартин, ее роль в церемониях 2-8 мая 1606 г. была минимальна — она не должна была повторно проходить уже свершенное таинство по католическому чину, но венчалась на царство и при закрытых дверях Успенского собора повторила для мужа венчание, которое превращало обряд венчания *per procura*, воспринятый в Москве как обручение, в венчание по православному чину.

Во-вторых, патриарх Игнатий был вычеркнут из православного поминания не после 1613 г., как полагает Р.Э. Мартин, а низвержен был из сана и запрещен к поминанию в сане патриарха сразу после падения Лже-Дмитрия I — в момент захвата власти князем Василием Ивановичем Шуйским 17-18 мая 1606 г. При этом уже в эпоху Романовых культ Игнатия в Москве не был в полной мере вытравлен: патриарх Никон поминал Игнатия в перечне московских митрополитов и патриархов в Неделе Православия, а портрет Игнатия упоминается Павлом

30 ГИМ. Инв. № 8402/И - I - 3469; Малыгина. 2012: 59-60.

Алеппским в ряду других портретов патриархов-предшественников в палатах Никона в храме Апостола Филиппа³¹.

Наконец, трудности возникают и с обрядом причастия — его нарушение отмечает Арсений Элассонский, причастный к заговору Шуйского и заинтересованный в создании «черной легенды» вокруг событий 8 мая 1606 г. (а также — сторонник брака новоиспеченного царя Василия Ивановича с царицей Мариной Юрьевной)³².

Вероисповедание Лже-Дмитрия I в момент венчания на царство вряд ли требовало от него быть бóльшим православным, чем патриарх Игнатий, а вслед за Генрихом Наваррским царь Дмитрий Иванович мог произнести в июле 1605 г.: «Москва стоит обедни!». Впрочем, и предположение Р.Э. Мартина об обращении царя-самозванца в католицизм не находит надежных подтверждений. Скорее, приводимые исследователем факты говорят об обратном: в венчании царя Дмитрия Ивановича и Марины Мнишек *per procura* 19 (29) ноября 1605 г. в Кракове в доме Себастьяно Монтелупи царя представлял православный посольский дьяк Афанасий Иванович Власьев³³.

Как в обряде или поведении царя и его представителей на свадьбе проявился его католицизм? Ни в монографиях Р.Э. Мартина, ни в доступных ныне источниках мы не обнаружим ответа на этот вопрос. Анализ Рассела Мартина движется в русле сходной логики, — в самом чине венчания *per procura* была заложена двойственность, выразившаяся в толковании

31 Ульяновский. 2021: 118-177, здесь с. 166.

32 Несмотря на «изъявительное наклонение» в пересказе свидетельств Арсения, его непосредственная причастность к тайнствам в те дни и последующее пребывание в Москве уже после успешного осуществления заговора кн. В.И. Шуйского говорят в пользу крайней тенденциозности его записок. Ср.: Флоря. 2002; Вахрина, Маштафаров, Флоря. 2003.

33 Martin. 2021: 120.

Пс. 45.10 кардиналом и королем: если первый призвал невесту забыть *свой дом и свою нацию*, вступая в брак с русским царем, то второй наперекор кардиналу призвал Марину Мнишек не забывать польских обычаев и польский народ. При этом и библейские параллели, и участие в церемонии королевича Владислава и Анны Вазы создавали в момент церемонии радужную перспективу рождения новой московской династии, которой было поручено скрепить польско-российско-шведскую унию. Различия вероисповедания остались за гранями ритуала, а православное вероисповедание московской стороны, выступавшей от лица жениха, не подвергалось сомнению или недооценке (кроме того, на церемонии была протестантка-лютеранка Анна Ваза, которая также не следовала всем предписаниям католического чина).

Уже десятилетия спустя после смерти царя Дмитрия Ивановича и царицы Марины Юрьевны выбор протестанта-королевича датского и норвежского Вальдемара в женихи дочери Михаила Романова Ирине не привел к брачной сделке, несмотря на приезд жениха в Россию и многочисленные усилия как по его обращению, так и по разысканию канонических оснований для брака без перекрещивания ни к чему не привели.

Православие было до конца XV в. и оставалось вплоть до эпохи Петра I суровым и непреодолимым условием *sine qua non* в российской матримониальной политике. В свете сказанного неясно, какие другие издержки ждали сватов княжича Василия в 1503 г., и какие еще возможные «издержки» и «культурные различия», помимо религиозных, подразумевали в Москве. Позднее Франческо да Колло, Сигизмунд Герберштейн и Петр Петрей в своих рассказах об этих событиях приводили такие свидетельства, однако из каких кругов исходят эти сообщения, несомненно, заслуживающие частичного и немалого доверия? Вероятно, из дипломатических и придворных, которые и были

заинтересованы представить в качестве первоочередных не религиозную границу, на тот момент непреодолимую, а скорее — как раз различные формальности³⁴.

С одной стороны, свадебный чин Магнуса и Марии Старицкой показывает ограничения неправославного жениха — у него уже в XVI в. не назначались заместители отца и матери (чины *в отцово место* и *в материно место*)³⁵. С другой стороны, если вернуться к вероисповеданию невесты, Р.Э. Мартин не поясняет, почему, по его мнению, именно браки с Соломонией Сабуровой и княжной Еленой Глинской «послужили закреплению предпочтительности отечественных невест — православных, разделяющих “культуру” жениха и, конечно, необычайно красивых»³⁶. Если красота невест не вызывала сомнений у современников, и потому также и у нас, а «местная культура» слишком расплывчатый термин (и выступает у Мартина то в кавычках, то без них), — то в чем именно новация браков 1505 и 1526 гг. с точки зрения вероисповедания по сравнению с браками XIV-XV вв., остается непроясненным.

Смотры невест, ставшие после 1505 г. обязательным развлечением на пути к царской свадьбе — и не только царя, но и его ближних, — изучены в книге Р.Э. Мартина с позиций культурной антропологии. Показано символическое значение смотров, их влияние на политический авторитет и на централизацию страны. По мнению автора, личный выбор царей на смотринах преувеличен. Пути отбора предполагали несколько этапов формирования «призерш», и на каждом этапе вплоть до их показа царю происходила конкуренция региональных

34 О конфликте вероисповедания в московских династических браках см.: **Martin**. 2021. Ch. 4.

35 **Martin**. 2021: 116, Ch. 5.

36 **Мартин**. 2023: 152; **Martin**. 2021: Ch. 1, здесь с. 15-16.

дворянских кругов, местных и столичных элит. Отбор проходил через медицинское, родословное и прочие освидетельствования. На последнем этапе царь постепенно определял избранницу и вручал ей в знак своего согласия платок и кольцо. Укороченной была программа «выборов» на избрании невест царям Федору III и Ивану V в конце XVII в. (это связано было с их состоянием здоровья).

В.Д. Назаров развивает точку зрения, согласно которой, по меньшей мере, списки кандидаток создавались и рассматривались специальными комиссиями в регионах. Возможно, там проводился и первичный осмотр девушек³⁷. Р.Э. Мартин дискутирует с В.Д. Назаровым, полагая, что основные обследования и сами смотрины проходили у Москве (надо полагать — или в другой столице, например, Александровской слободе). Выводы в этой части исследования вызывающе неромантичны: «Очевидно, что отбор невест был чистым расчетом, при котором почти не было места любви и влечению. Победительницей смотря невест не обязательно становилась та, что “всех милее”, а скорее та, что прошла жесткий отбор по всем родственным связям»³⁸.

Не менее дискуссионной частью концепции Рассела Мартина стали его рассуждения о политическом значении браков удельных князей и княжон. Первые воспринимались как конкуренты правящих монархов, даже если крайне редко становились официальными претендентами в борьбе за престол. Царевич-Чингизид Петр Ибрагимович (Худа-Кул, или Кудайкул) в 1506 г. благодаря браку с сестрой Василия III сделался его союзником и возможным наследником в противостоянии с удельными князьями. Юрий Дмитровский вызывал

---

37 Назаров. 1976.

38 Мартин. 2023: 123, об этом также на с. 131, 142 и т.д.

подозрения в заговоре, возможно — преувеличенные. Андрей Старицкий создал солидный конкурирующий клан благодаря браку с княжной Евфросинией Хованской, а затем Владимир Старицкий двумя разрядными («царскими») браками укрепил свои позиции и в сложившейся после смерти царицы Марии Темрюковны в сентябре 1569 г. обстановке в семье Ивана IV был воспринят как опасный конкурент в борьбе за наследование престола. При этом с дочерями московским Рюриковичам просто не повезло — они на протяжении всего XVI века не доживали до замужества и не обеспечили трон той подушкой безопасности, которую создавали себе князья Патрикеевы, Челяднины, Морозовы, Захарьины и другие боярские фамилии. Необходимо все же отметить, что царевич Петр-Кудайкул и князья Старицкие считались не только близкими родичами правящих монархов, но и претендентами на престол, что неоднократно выступало на поверхность политической борьбы.

И вот в вопросе о соотношении смотра невест с династическим заграничным браком возникает один из самых сложных вопросов монографии Р.Э. Мартина, с которым в данном случае не во всем можно согласиться. Исследователь убедительно показывает, что между двумя этими опциями был выбор, однако ограничивает время его существования периодом до венчания. Это и логично: получив в жены избранницу, московский монарх должен был бы исключить для себя дальнейшие поиски династического брака как противоречащие каноническому праву.

На практике в правление Ивана Грозного переговоры о повторном браке велись за рубежом неоднократно в те периоды, когда царь был уже женат. Подобная информация в книге Р.Э. Мартина позволила задаться вопросами, которые заслуживают самого пристального анализа в связи с московской придворной жизнью и ее подспудными правилами. В 1559-

1561 гг., еще при жизни первой жены и вскоре после ее смерти, царь претендует на руку польской королевны Анны Ягеллонки³⁹. Неясно, планирует ли Иван IV еще во время своего второго брака в 1566-1569 гг. (и позднее) брак с сестрой Анны, Катериной Ягеллонкой. Во время своего последнего брака с Марией Нагой и уже накануне своей смерти в конце 1583 — начале 1584 г. Иван Грозный ведет активные переговоры с Елизаветой Тюдор о невесте из рода Гастингсов, потомков Плантагенетов, нарушая не только супружеский этикет, но и порядок посольской службы: посольская книга отразила попытки царя вне официальной аудиенции через своего поверенного дворянина вести неофициальные переговоры с Джереми Боусом о возможной супружеской паре. Вряд ли царя заботило, могли ли Нагие проведать об этих переговорах. Это причуды Ивана IV или доказательства того, что внутренние браки не мешают поиску династических партнерш? Напрашивается вывод, что за дипломатическими манипуляциями крылись отнюдь не сексуальные желания царя, а весомые причины. Возможно, такой причиной был дефицит царственных наследников, ощущавшийся после смерти царицы Анастасии Романовны и особенно во время многолетнего бесплодия царицы Марии Темрюковны.

Чадорodie не звучало в качестве оснований для третьего и последующих венчаний, а сами венчания не могли быть каноничными (третий брак царя и первый его старшего сына венчал не митрополит, а священник Тимофей), и все тревоги царя, выраженные в его многочисленных высказываниях о тлеющем заговоре, говорят о его страхе из-за чьих-то попыток «извести» царскую семью (точнее было бы полагать, что это желание, по ощущениям царя, было разлито в воздухе).

---

39 Sucheni-Grabowska. 1997; Borkowska. 2000.

Возложенная 29 апреля 1572 г. на царя епитимья в соборном разрешении его четвертого брака, по мнению Р.Э. Мартина, обрекала его на пожизненное покаяние⁴⁰. В России четвертый брак был допущен соборным постановлением, что доказывало особый статус церковного собора, открывшего особенность российской соборной практики — Освященный собор был верховной инстанцией в вопросах веры и в этом смысле брал на себя функцию не только высшего консультативного органа, но и властного института, позволявшего ограничивать действие церковных канонов, подобно тому как сам царь считал, что может комментировать и ограничивать действие Нагорной проповеди Христа⁴¹.

Всего Иван IV был женат, по мнению американского исследователя, семь раз. Наиболее дискуссионный — шестой брак с Василисой Радиловой (по предыдущему браку — Мелентьевой) не фиксируется по чинам венчания, но достаточно убедительно доказывается пожалованиями родственникам невесты и поздними упоминаниями⁴².

Венчание на царство Бориса Федоровича (Годунова) 3 сентября 1598 г. — еще один знаковый момент в матримониальной политике российских властей. В тот день царицей стала представительница клана Г.Л. Малюты Скуратова Бельского

40 **Мартин.** 2023: 201.

41 Неясно, почему Р.Э. Мартин называет Анну Колтовскую (позднее — старицу Дарью) «пятой женой Ивана IV». Это ошибка (**Martin.** 2021: 141, ср. на с. 143 пятым назван все же брак царя с Васильчиковой, а на с. 163 брак Ивана IV с Колтовской назван четвертым). См. также: **Белякова.** 2023.

42 **Мартин.** 2023: 229, 234-238. Впрочем, напрасно автор пытается извлечь косвенные данные о судьбе Радиловой из «Хронографа» А.И. Сулакадзева (**Martin.** 2013; **Мартин.** 2023: 241). Сулакадзев создавал безукоризненные вымыслы, которые иной раз вплоть до наших дней не удается убедительно отклонить. Но это не имеет никакого отношения к делу. Фабрикация — фабрикация во всем.

Мария Григорьевна. Этим событием были нарушены привычные расстановки, при которых царь (или его отец) выбирал себе (или своему сыну) невесту. В 1598 г. сначала в январе — феврале волей царицы-инокини Ирины Федоровны был указан ее брат-«преемник», утвержденный позднее Земским собором, а затем в сентябре царицей стала его — уже до вступления на престол венчанная — жена Мария Григорьевна, одна из сестер в могущественном клане, плотно закрепившемся матримонийными связями и удерживающем позиции вплоть до формального отречения от престола царя Василия Ивановича (Шуйского) в июне 1610 г. Показатель высокого положения клана — статус наследника престола, принадлежавший мужу одной из ее сестер, князю Д.И. Шуйскому, брату царя Василия IV, близость к царскому роду еще одной сестры, Анны, которая была замужем за кн. И.М. Глинским, двоюродным братом Ивана IV, и родство со Скуратовыми третьей и последней законной жены Ивана IV — царицы Марфы Васильевны (Собакиной). Родовое единство и физическая (кровная) близость к трону Годуновых, Скуратовых и Собакиных через их родство с царским родом, князьями Шуйскими и Глинскими — отнюдь не проходной момент, а мощный фактор брачной политики, определивший круг властвования на несколько десятилетий во второй половине XVI — начале XVII в. В этом смысле знаковым событием майской свадьбы 1606 г. стало «возрождение» Нагих. Старица Марфа старательно играла роль матери самозванца, тогда как в свадебном разряде Лже-Дмитрия Ивановича и Марины Юрьевны оказалось сразу 10 представителей рода Нагих, что Р.Э. Мартин справедливо интерпретирует как часть «шарады в пользу идентичности Дмитрия»⁴³.

---

43 Martin. 2021: 152-153.

Конец XV — начало XVII в. образуют особый период, однако весьма основательны многие сомнения на этот счет Р.Э. Мартина. Как ясно из его источниковедческого исследования, ощущение обособленности этого периода приходит из особенностей сохранности источников. Сводя воедино наши ремарки, высказанные выше, можно было бы предложить еще ряд вопросов, имеющих тенденцию выстраиваться в угрозы для концепции Мартина разного уровня. С одной стороны, как мы видели, многие рациональные основания альянса Ягеллонов и Рюриковичей, служащие отправной точкой для идеи *холопского брака*, додуманы за основных исторических лиц и нигде никак не звучат в их высказываниях и мотивациях, ни эксплицитно, ни имплицитно. Более того, надежды на подобный альянс не утасуют на всем протяжении существования Московского царства, а в авантюрах Ивана Грозного по вступлению в брак с Анной Ягеллонкой при живой жене (Анастасии Романовне) и по выманиванию Катерины Ягеллонки от живого мужа (эрцгерцога Юхана) — живая вероятность подобного брака, а не только жестокая властная игра обезумевшего московского царя. Более того, сохраняется подобная оптика и при обсуждении вступления царя и его наследников на престолы Речи Посполитой, и в обсуждениях прав Ягеллонов на российский престол, унаследованных от прародительницы московских великих князей великой княгини Софьи Витовтовны, дочери великого князя литовского и несостоявшегося литовского короля Витовта Кейстутовича, и в спорах о государственной измене предков прародительницы последних Рюриковичей Елены Васильевны Глинской великим князьям литовским. Не прекращаются поиски польско-литовской партии для царственных сыновей и в XVII — начале XVIII в.

С другой стороны, повторные браки Василия III и Ивана IV вызывают — причем уже у их подвластных современников —

очевидные нарекания, наносящие настолько чувствительный удар по легитимности их власти, что вопрос о наследовании престола разрастается в конфликт престола с афонскими старцами и частью внутрироссийских монастырей, слухи о детях Соломонии Сабуровой и до сих пор непроясненную, но вполне предметную археологическую ситуацию с куклой на месте ее ребенка в гробнице Покровского Суздальского монастыря⁴⁴. Легитимность наследования престола Федором Ивановичем в 1584 г. также — вымысел позднейших историков. Современникам тех событий пришлось решать этот вопрос не рассуждениями о правах, а вооруженным противостоянием. Не учтен, на наш взгляд, и еще один значимый фактор в политике рубежа XVI-XVII вв. Разрастание местнических противостояний на свадьбах в этот период и надлом в династической преемственности, пробудивший рефлексию о возможных схемах наследования престола после стерильной смерти Федора Ивановича, должны быть, как представляется, осмыслены как особый контекст матримониальной политики высшей власти. К этому направлению мысли подталкивает и господство в этот период опричного клана, последовательно сгруппировавшего вокруг трона далекие друг от друга в каких-либо иных счетах за престол роды Годуновых, Бельских, Романовых и князей Шуйских. Эти роды сблизала между собой не только — а в данной конфигурации не столько даже — близость к Рюриковичам в матримониальных степенях родства, а единство по причастности к опричной «реформе» 1560-х — начала 1570-х гг.

---

44 Захоронение с остатками одежды без тела обнаружено в 1934 г. и вызвало бурную дискуссию, которая не закончена, но, конечно, не привела к убедительным выводам о рождении ребенка у Соломонии Сабуровой. Впрочем, как отмечал Я.С. Лурье, не доказано, что могила вообще имеет отношение к великой княгине Соломонии Юрьевне, в монастыре Софии (Лурье. 1986: 114-119).

Спешно перешагнув через Смутное время (когда, предположительно, царские смотрины не проводились), Р.Э. Мартин обращается в исследовании 2012 г. к источникам о царских свадьбах XVII — начала XVIII в. Характерно, что первый же кейс этого периода — одновременно драматичный и доказывающий высокое значение выбора невест. Первая избранница Михаила Романова Мария Хлопова была обручена с царем, подготовлена к роли правительницы, ей поменяли имя, нарекли царицей, поместили вместе с ее прежней семьей в «Верху», т.е. в предназначенных царице покоях (в Тереме). Все это позволило бить челом о бесчестье, когда выбор был формально по медицинским мотивам отменен (диагноз ставили иностранные лекари Бильс и Бальцер, отчет боярской комиссии — М.М. Салтыкова), а расплата с родом Хлоповых превратилась в сведение счетов. Позднее, уже после возвращения отца царя Михаила Федоровича из польского плена, расследование было проведено повторно, и Хлоповы обвинили в оговоре Салтыковых и добились расправы над ними, хотя и не вернули Марию-Анастасию в статус царской невесты⁴⁵, тогда как Салтыковы повлияли на второй выбор царя Михаила (de facto это был и не выбор: смотрины были, как доказывает Рассел Мартин, подстроены под кандидатуру) — княжна Мария Владимировна Долгорукова была их близкой родственницей, и она пользовалась протекцией не только Салтыковых, но и царицы-матери⁴⁶.

Подобным с Хлоповой образом прошла интрига, выбившая из числа претенденток понравившуюся царю Алексею Михайловичу Евфимию Федоровну Всеволожскую. Сравнение данных Г.К. Котошихина и С. Коллинза позволило Р.Э. Мартину сделать вывод, что Евфимия избрана была на смотре невест. Ее

---

45 Мартин. 2023: 262.

46 Мартин. 2023: 269.

обморок привел к смене кандидатур. Симптомом воспользовались (а возможно, и спровоцировали его) сторонники партии Б.И. Морозова, которого обвиняли в том, что на голове невесты волосы были затянуты слишком туго, и который стал позднее главным бенефициаром повторных «выборов» (царь и Морозов женились на сестрах Марии Ильиничне и Анне Ильиничне Милославских, условившись об этом заранее).

На более ранние события свет бросает второй брак царя Алексея Михайловича. Он был напуган и опечален следовавшими одной за другой смертями дочери Евдокии, первой жены и сыновей Симеона и Алексея в 1669-1670 гг., и избрание новой невесты стало делом спасения династии. «Московская Эсфирь» Наталья Кирилловна Нарышкина одержала верх над Авдотьей Ивановной Беляевой (на ее стороне, как показывает Р.Э. Мартин, были царица Ирина Михайловна и даже сам царь, но в борьбе за кандидатуру А.С. Матвеев добился успеха, как раньше Б.И. Морозов). Эта манера решать проблему престолонаследия вполне отличает и матримониальную политику в канун развода или после смерти первых царственных жен — около 1526 г., около 1561 г. и в последующих браках Ивана IV, около 1608 г. и позднее в матримониальной политике царя Михаила Федоровича. В этом смысле представляется неполным круг сравнений, приведенный Р.Э. Мартином, когда исследователь пишет, что «у Романовых стало традицией разрушать жизнь первой избранницы, выигравшей смотрины (и жизни ее рода)»⁴⁷. В немалой степени данный механизм был сформирован уже при поздних Рюриковичах.

Если отправным моментом в создании канона московских царских свадеб служит брак Василия III с княжной Еленой Глинской, то следующий перелом наступает ровно 100 лет

---

47 Martin. 2021: 78-79.

спустя. Ряд новаций в матримониальной политике Москвы отражен в документации свадьбы Евдокии Лукьяновны (Стрешневой) с царем Михаилом Федоровичем (венчание — 5 февраля 1626 г.)⁴⁸. Именно с этой календарной вехой Рассел Мартин связывает включение в свадебный чин четвертого дня торжеств, ритуальное благословение отца и матери жениха, проведение торжеств не в Золотой, а в Грановитой палате Кремля, а также само создание письменного канона свадебного чина. В какой-то момент, видимо, накануне свадьбы 1626 г. в архивах Посольского приказа служащие разыскали документацию предыдущих свадеб и использовали находки, чтобы разработать единый чин, утверждая тем самым династическую преемственность между царем Михаилом Федоровичем и поздними Рюриковичами при персональном участии посольского дьяка Ивана Тарасьеви́ча Грамотина⁴⁹.

Позднее при участии служащих Посольского приказа дьяка Назария Чистого и, возможно, писаря и подьячего Г.К. Котошихина создавался первый свадебный чин царя Алексея Михайловича, а при участии Никиты Ивановича Одоевского и главы Большого Дворца (не «Большого двора», или “the Great Court”, как в книге Р.Э. Мартина) Богдана Матвеевича Хитрово — роскошный по оформлению и весьма полно сохранившийся до наших дней чин второй свадьбы царя Алексея Михайловича⁵⁰.

Возможно, с поисками старых свадебных дел в 1626 г. связано то, что в свадебных чинах так и не закрепились «заместители» отца и матери невесты. Их назначали уже на свадьбе

48 **Martin**. 2021: 45-46 и сл.

49 Подробнее см.: **Martin**. 2004.

50 Ср.: **Martin**. 2021: 79 и сл. О приказе Большого Дворца под управлением Б.М. Хитрово см.: **Лисейцев, Рогожин, Эскин**. 2015: 42.

царевича Михаила Кайбулина (Кутлу-Гирея ибн Аслан-Али) с Марией Григорьевной Ляпуновой в феврале 1623 г. и на второй свадьбе царя Михаила Федоровича⁵¹. Однако на свадьбе 1626 г. их в разрядах вновь нет и не будет на последующих царских свадьбах XVII в. вплоть до второго брака царя Петра Алексеевича в 1712 г.

Рассел Мартин справедливо делает акцент на практической функции заместительных чинов именно родителей жениха. В истории свадеб конца XV — начала XVII в. общей чертой было то, что царственные родители никогда не получали особых чинов на свадьбах своих сыновей — казус царя Михаила Романова не имел прецедентов. И поскольку исторически выверенный чин возник уже после второй свадьбы царя Михаила Федоровича, вероятно, что устранение из чина зеркальных церемониальных должностей родителей невесты связано с правками в чин, внесенными служащими на основе обнаруженных ими материалов свадеб XVI — начала XVII в.⁵²

Впрочем, если вспомнить, что заместители родителей иноверца не включены в свадебный чин 1573 г., то открывается вопрос, который на поднят в монографиях Р.Э. Мартина: не было ли участие данных чинов знаком причастности к православному правящему роду? Если в случае неправославного жениха он на свадьбе представлен как бы безродным, то в случае невест холопского статуса незнатное прошлое вычеркивалось при помощи фигуры умолчания об их родителях. Это не шло вразрез и со стихом Пс. 44.11 (в европейской традиции —

---

51 Впрочем, Р.Э. Мартин отмечает далее, что на свадьбе царя Василия IV (Шуйского) с княжной Марией (Екатериной) Петровной Буйносовой Ростовской «заместительницей» матери невесты была княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская (урожд. Скуратова Бельская, дочь Малюты Скуратова, жена родного брата царя, кн. Д.И. Шуйского) (Martin. 2021: 51, 144).

52 Martin. 2021: 46-47, 55-56, 61.

Пс. 45.10): «Слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего», — которыми в 1605 г. польски кардинал Бернард Мацеевский напутствовал Марину Мнишек, проводя ее венчание с царем Дмитрием Ивановичем.

Исследования Р.Э. Мартина убедительно, как представляется, выстраивают детерминанту свадебных обрядов — их путеводной звездой и объясняющим фактором, в своем роде сердцевиной в логике их организации было стремление к династической преемственности (показательно в этом смысле, что вошедшие в общегосударственную документацию материалы царских свадеб Чингизидов на московской службе не включали церемониальное посещение брачующимися крупных династических святынь Кремля). При этом свадьбы удельных князей и крещеных Чингизидов уже в XVI в. содержали другой едва заметный, но весьма значимый ритуальный элемент — дары гостям раздавали на таких свадьбах преподносили в первый день торжества не невесты, а родственницы правящих цариц и великих княгинь. Это, как справедливо отмечает Р.Э. Мартин, — статусный показатель в обряде перехода, каковым, по А. Ван Геннепу, были царские свадьбы и ритуал раздачи даров. В случае свадьбы невеста переходила как бы из ниоткуда в царицы, а следовательно, раздача даров на свадьбе приобретала значение только для тех невест, которые могли в силу брака войти в состав правящей династии. Аналогом (конечно, не точным переводом) слову *династия* (англ. “dynasty”) в свадебной документации царя Алексея Михайловича Рассел Мартин предлагает считать выражение *в наследие его государственного роду* (ср. в англ. переводе Мартина: “for the succession of his royal dynasty”)⁵³.

---

53 Martin. 2021: 63, 75, 172.

Для Василия III системообразующим для его свадебного канона 1526 г. был вопрос противостояния с придворными, высшим духовенством, афонскими старцами и частью русского черного духовенства. Для царя Михаила Федоровича и его родителей — момент династической инаугурации. Даже царь Алексей Михайлович под влиянием обстоятельств решился на новый брак — нежелательный для него, как показал Р.Э. Мартин, сравнивая «совершенно пуританский» (“utterly puritanical”) свадебный чин 1671 г. с предыдущими⁵⁴.

Впрочем, развитие свадебных обычаев в царской семье на этом не остановилось. Четыре свадьбы сыновей царя Алексея Михайловича по-разному представлены в источниках. Скажем, от документации первой свадьбы царя Федора Алексеевича (18 июля 1680 г.) сохранился после пожара 71 фрагмент черного чина на 35 обугленных листах, беспорядочно собранных позднейшими архивистами. С немалыми лакунами сохранились чины и разряды второй свадьбы Федора III, а также свадьбы царей Ивана Алексеевича (9 января 1684 г., невеста — Прасковья Федоровна Салтыкова) и Петра Алексеевича (27 января 1689 г., невеста — Евдокия Федоровна Лопухина), но содержание всех этих документов, как показывает Р.Э. Мартин, проведя тщательное исследование комплекса сохранившихся данных, не противоречит выводу о том, что свадьбы после второго брака царя Алексея Михайловича заметно потеряли в масштабности и торжественности⁵⁵. Для первого брака царя Федора Алексеевича (Мартин справедливо называет его Федором III) был разработан особый, отличный от предыдущих сокращенный чин, в котором при этом впервые за 100 лет предполагалась венчальное богослужение при личном участии главы

54 Martin. 2021: 76-91, цит. со с. 84.

55 Martin. 2021: 92 и сл., 201 и сл.

церкви (на сей раз — патриарха), а для второго (15 февраля 1682 г., венчание с Марфой Матвеевной Апраксиной) — вновь особый чин.

Любопытная черта этих поздних московских браков — вдовы царей не всегда становились инокинями после смерти мужа. Остались в миру как бездетная царица Марфа Матвеевна, так и многодетная царица Прасковья Федоровна (на момент смерти Ивана V в живых остались три их дочери), и лишь царица Евдокия Федоровна попала под колесо мужнего гнева и была заточена, что не могло не восприниматься многими современниками как откровенное насилие. Вдовствующая царица Прасковья Федоровна даже вышла повторно замуж за Ивана Ильича Дмитриева Мамонова, и у них в браке родился сын, вскоре после рождения умерший.

Свадебные обычаи Петровской России, будучи с 1712 г. принципиально открытыми для иноверческих партий, демонстрировали и новую династическую логику, отразившую и воплотившую замысел царя Петра Алексеевича по переустройству империи и оснований ее власти. Рассел Мартин посвящает специальную дискуссионную статью периодизации российской истории и придерживается этой версии в монографиях, ряде других статей и реакциях на доклад и книгу святого Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Михаила Борисовича Максимовича) 1926 г. и монографию Пола Бушковича о правах наследования престола в России⁵⁶.

Основная мысль в данном случае — в том, что свадьбы Петровской России не меняли общий принцип династического

---

56 См., например: **Martin**. 2021a; **Martin**. 2024. Научное издание книги св. Иоанна Максимовича «Происхождение Закона о престолонаследии в России» (1-е изд. — 1936 г.) о наследовании престола в истории России Р.Э. Мартин в настоящее время готовит к публикации в переводе на английский язык.

брака, под которым в России понимался холопский альянс. Петр II и его советники своими матримониальными планами последовали строго в русле матримониальной политики XVI-XVII вв., а пересмотр и дальше неписанных правил состоялся в результате революционных для правящей династии в России указов о наследовании престола 1797 и 1822 гг. Именно эти указы, а не Иван III и не Петр I, по логике Р.Э. Мартина, заложили основы Нового времени в династической политике России, хотя исследователь и допускает, что порядок формирования династий в XVI-XVIII вв. может рассматриваться как своеобразный русский вариант модерна.

На фоне династической борьбы и межклановых соглашений по выбору царской невесты в Московской Руси показательны и вызывают особый интерес «неудачные» первые браки царствующих особ, ставшие предметом конфликтов при дворе последних Рюриковичей и как бы политическим антиобычаем при первых Романовых. Рассел Мартин намечает дурную закономерность в сходстве браков царя Михаила Федоровича с Хлоповой и Долгоруковой и царя Алексея Михайловича с Евфимией Всеволожской. Впрочем, крушение этих браков исследователь склонен считать просто результатом придворных заговоров. Можно было бы, на мой взгляд, задаться вопросом, не заложена ли конфликтность в сам первый брак или «мезальянс» царя. Подобные вопросы возникают при сравнении судеб неудачных царских браков XVI в. — Сабуровой, Собакиной, Колтовской, Мелентьевой, Васильчиковой... Впрочем, если вспомнить даже удавшийся брак Ивана IV с Марией Нагой и выходки царя в последние годы, когда на руках у него был уже сын Дмитрий (II), и брак царя Федора Ивановича с Ириной Годуновой, вызвавший противоборство и — возможно в какой-то мере сфабрикованный — заговор князей Шуйских, то

нельзя не представить вживую сценарий разрыва, подобный упомянутым выше трагедиям XVII в.

Царские смотрины, матримониальная политика и браки позволяют выявить долгосрочные властные стратегии и мотивации московской и петербургской придворной жизни, а также во всей доступной для исследования полноте увидеть многообразные и сменяемые во времени символические ресурсы, привлекаемые для достижения главной цели — сохранения династической преемственности. Как бы это ни прозвучало в классовом и имущественном измерении, риск вымирания мужского потомства и даже полного вымирания царской семьи был лишь ненамного меньшим, чем у их подвластных. Эта опасность ощущалась в равной мере бездетным великим князем Василием III к 1525 г. и многодетным царем Алексеем Михайловичем в 1669 г. Как можно видеть, тема продолжения жизни, получившая развитие в приводимых митрополитами и патриархами ветхозаветных параллелях, уподобляющих Московское государство Иудейскому и Персидскому царствам (а вовсе не обреченному на смерть Третьему Риму старца Филофея), так и в иконописном Царственном древе Романовых⁵⁷, тесно коррелирует с более печальной темой — смерти и династической памяти, сосредоточенной вокруг царских усыпальниц Московского Кремля. *Царская радость* — прямая противоположность *царской скорби*, ощущавшейся даже в брачных торжествах, в запретах на бурные свадьбы, присутствии обок с правящими особами вдовствующих цариц-инокинь, в долгом ношении придворными смиренного платья по умершим царицам, в речах пастырей о смене скорби на радость и т.д.⁵⁸

57 Сукина. 2022.

58 Р.Э. Мартин ошибочно толкует «смирное платье» как не праздничное, а следовательно, полагает исследователь, обычное платье („in ordinary dress“).

Логика снежного кома не вполне работает в случае царских свадеб — обряд не разрастается, а видоизменяется в соответствии с культурными тенденциями и даже с личными запросами участников. Отдельные элементы свадебного обряда создают социально-значимые «негоциации» между ритуальным действием и социальными институтами. Они очерчивают круг правящих лиц и династии, конкурентную среду высших сановников, мужские и женские роли при дворе, символическую экономику даров и воздаяний. Отдельные структуры свадебного обряда выхолащиваются и разрастаются до обязательной формальной процедуры. Например, при «первых Романовых» вымер обычай обмениваться дарами между высшими чинами-мужчинами на второй и третий день свадьбы, зато сформировался совершенно новый обычай дарения на четвертый день с участием патриарха, местнические конфликты рубежа XVI-XVII вв. были остановлены только царским гневом и карой, постигшей князя Голицына, а получение подарочных ширинок или денег вместо даров в первый день торжества, маркирующее глубину династических связей, превращается в середине XVII в. в кошмар чиновников — челобитья, подсчеты затрат и нелегкие финансовые решения⁵⁹.

Выхолащивание московских обычаев все же стало особой чертой Петровской эпохи, несмотря на то что происходило и до правления царя Петра Алексеевича. Черета свадеб, действительных и шутовских, конца XVII — начала XVIII в. при личном участии царя в качестве свадебного «маршала» (т.е. *тысяцкого*) взламывала и высмеивала привычные московские коды XVI-XVII в.: свадьбы устраивались нарочито игровые и даже

Однако речь идет об особом траурном костюме, который носят в знак скорби по умершему (ср.: **Martin**. 2021: 82).

59 **Martin**. 2021: Ch. 6.

пародийные, между смехотворными парами, длились в ряде случаев не три — четыре, а два дня или наоборот, целую неделю, устраивались карнавальные переодевания в древние платья, пародирующие далекую старину, шествия всем свадебным чином на упряжках волов, козлов, свиней и собак, поездки свадьбой из Кремля в Немецкую слободу или из Петербурга на остров Котлин, во время свадебных маскарадов сидящие вместе за одним столом мужчины и женщины пили огромными кубками крепкие напитки, а царь в наказание за нарушения церемониала заставлял пить «штрафные» и т.д. За всеми этими игровыми стратегиями, как показывает Р.Э. Мартин, вскрывались все те же политические цели — личная преданность царю, готовность высмеять обычаи двора по воле монарха и, наоборот, приобщиться к утрированной «старине» — для заграничных слуг царя⁶⁰.

Автор не связывает напрямую насмешливое отношение царя Петра Алексеевича к «старине» (прежде всего, к обрядам своих родителей и ближайших прародителей) с его внутрисемейными отношениями. Интерес представляет не причина, а последствия карнавального гротеска. Для царя сокрушение запретов в матримониальной сфере открывает путь к политическим альянсам 1710-х гг., к числу которых относятся два брака его сводных племянниц Анны Иоанновны (31 октября — 2 ноября 1710 г.) и Екатерины Иоанновны (1716 г.), а также брак его сына, царевича Алексея (1711 г.). Вырвав институт брака у церковных властей и упразднив пост верховного главы церкви, царь расширяет династические связи, идущие вразрез с российской матримониальной политикой XVI-XVII вв. В этом случае основное внимание Петра I, как и его предков и правителей XV — начала XVII в., направлено на удержание

---

60 Martin. 2021: Ch. 7.

династической власти. Царские свадьбы 1710-х гг. церемониальной составляющей во многом напоминают придворные эксперименты рубежа XVII-XVIII вв., но сохраняют символическую связь и со свадебными чинами более ранней эпохи. Так, на свадьбе Анны Иоанновны сохранены были — с некоторым дополнением — разрядные чины XVI-XVII вв., молодожены в третий день посетили православное богослужение, а жених — возможно, с ним и невеста — принял благословение лютеранского пастора. Вместе с тем, отмечает Р.Э. Мартин:

Многие традиционные православные элементы были упразднены по настоянию жениха и с согласия Петра I. Пара не пила из общей чаши, молодожены не представляли Танец Исаяи и не держали свеч во время церемонии венчания⁶¹.

Рассел Мартин полагает, что свадьба Анны Иоанновны была потрясением для династической политики Романовых, а последним ударом в череде следовавших за ней событий был указ о престолонаследии 1722 г. и смерть Петра I⁶². В контексте предложенной американским историком гипотезы эти неутешительные итоги не вызывают в полной мере согласия. Финальная страница в истории царских свадеб не написана: например, свадьба 19-22 февраля 1712 г. царя Петра Алексеевича с Мартой Самуиловной Скавронской (будущей Екатериной I), послужившая отправным моментом для возникновения новой ветви (или новой династии) Романовых, в источниках оставила крайне незначительные следы⁶³. Как показывает сам же исследователь в заключительной части своей работы, имперские свадьбы 1725-1745 гг. во многом продолжают московские традиции предшествующих эпох, не возвращаясь к

---

61 Martin. 2021: 198, 207.

62 Martin. 2021: 201, 215, Ch. 8.

63 Martin. 2021: 203.

выхолощенным при Петре I моделям, но вбирая из них наиболее значимые элементы, в том числе в свадебном чинопоследовании. Впрочем, немалым шагом назад можно было бы считать возвращение на свадьбе Анны Петровны и Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского (21-23 мая 1725 г.) к православному венчанию⁶⁴.

Что же касается престолонаследия в России XVIII в., то уже прошла дискуссия по данной проблеме вокруг монографии Пола Бушковича и, как уже говорилось, готовится полномасштабное исследование данной проблемы самим же Р.Э. Мартином⁶⁵. В контексте уже проделанной работы, следовало бы обратить внимание на возможность интерпретации, лишаящей события 1722 г. решающего значения.

Когда в 1745 г. началась история судьбоносной для Российской империи пары будущего Петра III и будущей Екатерины II, традиция династических браков была в очередной раз пересмотрена.

Согласно предположению А.А. Зимина, возможным наследником Василия III (его завещание не сохранилось) до рождения у него детей должен был стать крещеный царевич Петр, зять великого князя. В этой политической игре главными противниками в борьбе за трон для великого князя были удельные князья, и как свадебные ритуалы, так и прямые запреты братьям жениться до рождения наследников у Василия III говорили о том, что удельные — это политические враги действующей власти. Возможно, на такое восприятие, удивлявшее князя А.М. Курбского и, очевидным образом, многих других современников, косвенно повлияла османская

---

64 **Martin.** 2021: Ch. 8.

65 См. выше о готовящейся книге Р.Э. Мартина, см. также: **Bushkovitch.** 2021; **Martin.** 2021a.

традиция, в которой на законодательном уровне Мехмед II принял решение о праве действующего султана на убийство своих братьев в интересах стабильности. Убийство династических противников-мужчин «прекрасно» реализовалось в России в правление Елены Глинской и Ивана Грозного, а за царя Федора Ивановича все решила природа. Затем противостояние царя Дмитрия Ивановича и трех потомков Бориса Годунова, одним из которых был новый царь Федор Борисович, закончилось убийством последнего и его матери. Убит был, по всей видимости, и конкурент царя Василия Ивановича (Шуйского), М.В. Скопин Шуйский, тогда как родные братья царя Василия IV погибли уже в Речи Посполитой вместе с самим царем-иноком. Мужские потомки царя Михаила Федоровича не вели борьбу между собой за власть ровно до того момента, когда у власти оказались сразу два претендента — Иван (V) и Петр (I). И никак нельзя считать политической нормой для России возникновение в 1682 г. конкурентного двоевластия (по сути, впервые в истории России — диархии). Подобный исход не мыслился ни в 1503 г., ни в 1584-м, ни в 1610-м. Вряд ли сопоставима с ней даже верховная власть в России в первые месяцы после смерти Бориса Годунова, когда у власти формально находились все трое его наследников — вдова и двое несовершеннолетних детей.

Как бы то ни было, за Романовых также все решила природа: мужские представители рода вымирали, к началу XVIII в. в живых оставалось 15 представителей рода, только двое из которых — мужчины. На этой грани царь Петр Алексеевич сделал выбор в пользу нового брака, не имевшего ничего общего с предыдущими властными альянсами XV-XVII вв. ни внутри страны, ни за ее пределами. Это был выразительный мезальянс, для утверждения которого и его потомства Петру I пришлось уничтожить сына, а затем Петр II оказался жертвой

природной стихии. Династическая доктрина пересмотрена была не как следствие модернизации или, наоборот, консервативного отката правящего режима, а после гибели всех четырех сыновей от нового брака и перехода к той же ситуации неопределенности в правах наследования между неугодным императору внуком и династическими женщинами (рожденными от обеих жен царя Алексея Михайловича), в какой в 1682 г. побывали сами же Иван V и Петр I⁶⁶.

Елизавета Петровна поставила точку в длившейся два с половиной столетия борьбе между родственными ветвями. Лишь по чистой случайности женитьба ее племянника на принцессе Екатерине Алексеевне (урожденной Софии Фредерике Августе) Ангальт-Цербстской привела к желанному восстановлению единства правящего рода. Но, конечно, отстранение конкурентов-потомков Иоанна V от власти, а затем и их уничтожение случайностью объяснить не удастся. В этом случае, как и в начале XVI в., работал не «естественный отбор» и не стихийная борьба, а убийственное волеизъявление правящей персоны.

Указ Петра I 1722 г. о наследовании престола, поставивший на место конвенционального принципа преемственности от отца к старшему сыну принцип личного волеизъявления правящего императора, не шел кардинально вразрез с предшествующими правовыми нормами и традициями, поскольку никто до Петра I эксплицитно эти нормы и традиции так и не закрепил. Было бы странно видеть единую историю в тех усилиях, которые — в числе прочего — при помощи царских свадеб предпринимали правители до Петра I, чтобы вписать себя в единую историю, вычеркивая из нее при этом ряд неугодных правителей своей же страны и конкурентов за власть,

---

66 Об этом см.: **Martin**. 2021: 204-205.

уничтоженных символически и физически. Петр I создал относительно новый принцип. В то же время было бы странно не учитывать, что этот принцип никто до него и во время его правления не оспаривал. Никто и не посмел бы прямо это сделать, особенно когда на горизонте династии замаячило вымирание мужского потомства. Рождение указа 1722 г. было, таким образом, направленным усилием, открывшим ту же возможность, возникновение которой исследователи допускают еще применительно к началу XVI в., когда в похожем положении оказался Василий III.

Формальным финалом в истории царских свадеб Московской Руси стало прекращение конкуренции между потомками клана Милославских (по линии жены царя Ивана V царицы Прасковьи Федоровны) и Нарышкиных (по первому, а затем и по второму браку царя Петра I). Впрочем, как уже мы видели, ни в 1712, ни в 1745 гг., ни вплоть до указа Павла I о престолонаследии, с точки зрения Р.Э. Мартина, существенных династических перемен не произошло. Автор убежден в сплошной преемственности династии Романовых между 1613 и 1917 гг. — и в этом можно видеть характерное проявление подхода Гарвардской школы. Утрированное соблюдение положений указа 1797 г. для революционной России и русской эмиграции 1920-х гг. стало еще и *сredo*, определившим поддержку великого князя Кирилла Владимировича (императора Кирилла I) в качестве наследника всероссийского престола, против чего выступали как вдовствующая императрица Мария Федоровна (вдова Александра III), так и ряд других выживших в Революцию представителей династии Романовых. Трудность заключалась уже не только в поддержании исторической преемственности прав династии на власть в России. Эта задача решалась св. Иоанном при помощи концепции прямой преемственности

между Россией Рюриковичей и Россией Романовых⁶⁷. Доказать предстояло еще и устойчивость династии в рамках указа 1822 г., который после Мировой войны угрожал вырвать из прав на наследование престола и тех немногих представителей рода, которые вступали в морганатический брак. Усилия Р.Э. Мартина во многом нацелены на то, чтобы показать неизменность следования указу 1797 г. в рамках действующего в 1920-е гг. и поныне живого и царствующего рода Романовых.

Этим тезисом о правовой незыблемости указа Павла I снята, как представляется, династическая цезура между Романовыми и Рюриковичами. В ряде случаев Рассел Мартин отмечает фиктивность вымыслов об этой династической преемственности⁶⁸. В других — показывает, как при помощи свадебных даров «внутри династии» Романовы (в 1624 г.) очерчивали круг своих царственных родичей — Рюриковичей-Даниловичей, царский род Шуйских и потомков Ивана III от брака его дочери Евдокии с царевичем из Чингизидов Петром-Кудайкулом⁶⁹. Логике разрыва внутри «династии Романовых» автор признает менее охотно, хотя формальных оснований видеть «династию» в преемстве между Петром I и Павлом I не больше, чем между Рюриковичами и Романовыми. Оба эти единства — фикции, причем обе вызвали череду фабрикаций и вымыслов в представлениях о российской и всеобщей истории.

В заключение остановимся на одном аспекте исследования, который не является ключевым для работ Рассела Мартина, но заметно влияет на его построения. Как представляется, требует дополнительных исследований вопрос о

---

67 Martin. 2024.

68 Martin. 2021: 64.

69 Martin. 2021: 141, 150, Ch. 6.

соотношении царских свадеб с календарными традициями Древней и Средневековой Руси. Р.Э. Мартин указывает в обоих монографиях в качестве даты брака один календарный день — в этом исследователь следует за источниками, отмечающими, как правило, день венчания или менее точную дату. Однако следует отметить, что наблюдения за источниками XV-XVIII вв. определенно говорят в пользу того, что царские свадьбы длились не менее трех дней, и было бы важно задаться вопросом о длительности торжеств, перенося это проблему еще и в историко-хронологическую плоскость.

Л.П. Горюшкина, проведя независимо от Р.Э. Мартина исследование свадебных обычаев в царской семье (включая удельных князей и приезжих царевичей) в XVI в., отметила строгое следование каноническим ограничениям на выбор даты для венчания и свадьбы. Из 13 изученных браков XVI в., по наблюдению исследовательницы, «пять пришлось на зимний мясоед (время между Святками и Масленицей), три — на недели между Пасхой и Троицей, три — на время перед Рождественским постом и два — после Успенского поста, но ни разу — в разгар лета (между Петровским и Успенским постами)»⁷⁰. Канонические ограничения по венчаниям во все многодневные посты, на Масленицу и в Великую Седмицу, таким образом, во всех известных случаях соблюдены. Дни венчания приходились строго на четверг (что отличает православные каноны XVI в. от наших дней) либо на воскресенье, причем, по предположению Л.П. Горюшкиной, свадьбы в четверг ко времени правления Ивана Грозного считались более «статусными», чем свадьбы в воскресенье⁷¹.

---

70 Горюшкина. 2013: 102-103.

71 Горюшкина. 2013: 103.

Подтверждают ли сообщения источников гипотезу о господстве трехдневной свадьбы? Очевидно, что не вполне, причем с первых же крупных торжеств XVI в. Разряд свадьбы сестры великой княгини, Марии Юрьевны Сабуровой, и князя Василия Семеновича Стародубского составлен на четыре дня, начиная с 23 апреля 1506 г.⁷²

Венчание Ивана IV с Анастасией Романовной в целом ряде официальных летописей указано под 3 февраля 1547 г. «во царствующем граде Москвѣ» в Кремлевском Успенском соборе. Это был четверг «Всѣядныя недѣли». Постниковский летописец указывает также праздник: «на святого Семиона Богоприемца и Анны Пророчицы». В «Степенной книге» к этому дню ошибочно отнесено венчание царя на царство и венчание с Анастасией Романовной. В Третьей Псковской летописи денная дата — 2 февраля. В свадебном разряде слова «На первой день...» говорят о том, что свадьба длилась более одного дня, вероятно — три. Свадьба царя прямо предшествовала венчанию и свадьбе кн. И.Ф. Мстиславского и дочери кн. А.Б. Горбатого, датированной в ряде источников 6 февраля 1547 г. Надо полагать, что в этот день состоялось венчание князя Мстиславского и княжны Горбатой. Если это построение верно, то венчание и свадьбу Ивана IV и Анастасии Романовны Юрьевой следует датировать 3–5 февраля 1547 г., а следовательно, торжества продолжались три дня⁷³.

72 **Martin.** 2021: 168-171.

73 **РГАДА.** Ф. 156. Оп. 1. № 2. Л. 1–3; **ПСРЛ.** (13): 151-152, 453; **ПСРЛ.** (29): 51, 151; **ПСРЛ.** (20): 470; **БМСП.** № 33. Л. 90 об.-91; **ЛМС.** (20): 323-324 (Ц, л. 293-293 об.); **Шмидт.** 1951: 291; **ПСРЛ.** (45): 122; **ПСРЛ.** (5: 1): 112; **ПСРЛ.** (5: 2): 231; **СК.** (2): 352-353; **ПСРЛ.** (31): 130; **ПСРЛ.** (33): 137; **Жуков.** 2012: 433; **Тихомиров.** 1979: 194; **Корецкий.** 1981: 235 (только год); **Новикова.** 2001: 243; **РК 1475–1605.** (1: 2): 321 (л. 218), 322 (л. 219-219 об.); **ПСРЛ.** (34): 29, 181.

Первую свадьбу князя Владимира Андреевича Старицкого (с Евдокией Нагой) Р.Э. Мартин датирует 1549 г. Однако Л.П. Горюшкина доказала, на наш взгляд, весьма убедительно, что в сентябре 1549 г. был принят лишь приговор о свадьбе, тогда как само венчание и торжества прошли 18 мая 1550 г. Это было воскресенье (шестое после Пасхи). Возможно, свадьба длилась дольше, чем один день, однако важно, что свадьба в праздничный день недели не противоречит практике XVI в.⁷⁴

Следует также со вниманием отнестись к другому наблюдению Л.П. Горюшкиной: как правило, венчание и свадьба устраивались не позже, чем за неделю к запрещенным периодам, а обычно располагается не позже и не раньше, чем с отступом «в пределах трех недель» по отношению к ним⁷⁵. Из этого косвенно может следовать, что брачная суэта начиналась еще до венчания, а на торжества могло уйти больше дней, чем предполагала основная «разрядная» свадьба. Поиск невесты также занимал неопределенный срок в течение года.

С этой точки зрения важны толкования событий 2-18 мая 1606 г. Сама — повторная и полутайная — свадьба Лже-Дмитрия I и Марины Мнишек состоялась в неудачный день 8 мая, в канун праздничного постного дня, да еще и в четверг. Кроме того, католичку Марину, в православие (как было известно современникам) не перешедшую, допустили в Успенский собор к амвону⁷⁶. Возможно, говоря о календарном выборе, в расчет следует принять дату Пасхи — она приходилась в 1606 г. на 20 апреля, и в целом, как уже сказано свадьба после Светлой

74 ПСРЛ. (13): 160, 462; ПСРЛ. (29): 59, 157; ПСРЛ. (20): 477-478; БМСП. № 33. Л. 142 об.; АЛС. (20): 427 (Ц, л. 344); ПСРЛ. (34): 185; РК 1475–1605. (1: 2): 367 (л. 244); Горюшкина. 2013: 102; ср.: Martin. 2021: 142-143, 152.

75 Горюшкина. 2013: 103.

76 Martin. 2021: 128-129.

седмицы и до Троицы была допустима. Спешка связана была с напряженными отношениями между польской свитой царицы и москвичами, а также планами царя начать военную кампанию против Крыма. Что же касается допуска царицы под купола Успенского собора, то вряд ли царская чета рассчитывала на разжигание слухов о католическом вероисповедании царицы Марины Юрьевны. В европейской истории техники сокрытия подлинного вероисповедания использовались католиками многих стран, где восторжествовал протестантизм, и царица Марина Юрьевна собиралась, по всей видимости, также придерживаться своего вероисповедания втайне от российских православных. Более того, во многом именно этой техникой, отделяющей высшую власть от аристократии и более низких классов, можно было бы объяснить успех заговора князя Василия Ивановича Шуйского. Его задача облегчалась благодаря стремительному объявлению о тайных наклонностях и договоренностях царя и царицы (в дополнение к повторному непризнанию идентичности «царевича Дмитрия»).

Вторая свадьба царя Алексея Михайловича длилась пять дней. Не во всем ясно, в каком объеме речь может идти в этом случае о расширении свадебной церемонии (например, одаривание гостей невестой явно перенесено по сравнению с предыдущими чинами на второй день свадьбы). Однако учитывая скромный характер второго брака царя, можно предположить, что торжества, рассчитанные на три дня, были растянуты на более длительный срок.

Сохраняются неясности и с датировками в свадебных торжествах рубежа XVII-XVIII вв. Свадебный чин бракосочетания Анны Иоанновны и герцога Фридриха-Вильгельма Курляндского рассчитан был на три дня, однако Р.Э. Мартин

отмечает, что de facto празднование продлилось с 31 октября (10 ноября) по 5 (16) ноября 1710 г.⁷⁷

В целом, как представляется, сравнительный анализ продолжительности предвенчальных церемоний, свадеб и свадебных пиров подтверждает общее направление исследований Рассела Мартина. Длительности «реальной жизни» и церемониальной документации расходятся и говорят о необходимости верификации письменных источников при помощи всех доступных сведений, включая церковные правовые положения, свидетельства сторонних наблюдателей, особенности культурных контактов России с Европой и Азией, немногочисленные, но тем более ценные артефакты и визуальные источники, а возможно, и поздние свидетельства о религиозных и бытовых преобразованиях Нового времени.

---

77 Martin. 2021: 195-199.

Список источников и литературы

Белякова. 2023 — Белякова Е.В. К истории собора 1572 года // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова / под общей ред. А.А. Фролова. М.: Аквилон, 2023. С. 207–218.

БМСП. № 33 — Библиотека монастыря Святого Пантелеймона на Афоне. № 33.

Вахрина, Маштафаров, Флоря. 2003 — Вахрина В.И., Маштафаров А.В., Флоря Б.Н. Арсений Элассонский // ПЭ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2003. Т. 3. С. 442–446.

ГИМ. Инв. № 8402/И – I – 3469 — Государственный исторический музей. Инвентарный № 8402/И – I – 3469.

Гиппиус. 2004 — Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11. С. 183–232.

Горюшкина. 2013 — Горюшкина Л.П. О выборе дней княжеских и царских свадеб в первой половине – середине XVI в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. М.: МГУ, 2013. С. 99–106.

Жуков. 2012 — Жуков А.Е. Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012 / ред. О.Л. Новикова. М.; СПб.: Альянс-Архео; Искусство России, 2012. С. 275–448.

Корецкий. 1981 — Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981.

Лисейцев. 2015 — Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

ЛЛС. (20) — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история / подг. транслитерации, пер. с древнерус. яз. Е.Н. Казакова, М.М. Панкова, Е.И. Серебрякова, В.В. Морозов; концепция изд. Х.Х. Мустафин. Кн. 20. 1541–1551 гг. М.: ООО Фирма «АКТЕОН», 2014.

Лурье. 1986 — Лурье Я.С. Возрождение домыслов о сыне Соломонии Сабуровой и опричнине // Русская литература. 1986. № 3. С. 114-119.

Малыгина. 2012 — Малыгина А.А. Церемониал обручения и коронования Марины Мнишек по картинам из коллекции Исторического музея: источниковедческое исследование. Дипломная работа ФАД ИАИ РГГУ. Кафедра вспомогательных и специальных исторических дисциплин. М., 2012. (На правах рукописи).

Мартин. 2011 — Мартин Р. «Государева радость»: новые источники и текстологические загадки рукописных сборников, включающих в себя описания царских свадеб XVI-XVII вв.: (по материалам Библиотеки РАН) // Современные проблемы археографии. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25-27 мая 2010 г. / сост. М.В. Корогодина; отв. ред. И.М. Беляева. СПб.: БАН, 2011. С. 236-246.

Мартин. 2016 — Мартин Р. Импровизация на тему династической преемственности: обряд и династия на свадьбах первых царей дома Романовых // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613-2013 / под ред. В.В. Лапина, Ю.А. Сафрановой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. С. 50-70.

Мартин. 2023 — Мартин Р. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI-XVII веков / пер. с англ. А. Шокаревой. М.: НЛО, 2023.

Назаров. 1976 — Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 110-123.

Новикова. 2001 — Новикова О.Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь / отв. ред. С.А. Семячко. СПб.: Дмитрий Булаин, 2001. С. 214-254.

Панова. 2002 — Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Московский Кремль, 2002.

ПСРЛ. (5: 2, 13, 20, 29, 31, 33, 34, 45) — Полное собрание русских летописей. М.: ЯСК, 2003. Т. 5. Вып. 1; М.: ЯСК, 2000. Т. 5. Вып. 2; М.: ЯСК, 2000. Т. 13; М.: ЯСК, 2005. Т. 20; М.: Наука, 1965. Т. 29; М.: Наука, 1968. Т. 31; Л.: Наука, 1977. Т. 33; М.: Наука, 1978. Т. 34; СПб.: СПбГУ, 2018. Т. 45.

Пушкарева. 2011 — Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011.

РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 2 — Российский государственный архив древних актов. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. № 2.

РК 1605. (1: 2) — Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич, Л.Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М.: Институт истории СССР, 1977. Т. 1. Ч. 2.

Станиславский. 2004 — Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков. М.: РГГУ, 2004.

СК. (2) — Степенная книга (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI-XVII: С прил. указ. / подг. под рук. Н.Н. Покровского. М.: ЯСК, 2008.

Сукина. 2022 — Сукина Л.Б. Воображаемое древо: как первые Романовы изобретали для себя царскую родословную. М.: Проспект, 2022.

Тихомиров. 1979 — Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979.

Ульяновский. 2021 — Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Флоря. 2002 — Флоря Б.Н. Арсений Елассонский о событиях русской Смуты начала XVII в. // Славянский альманах 2001. М.: Индик, 2002. С. 79–96.

Шмидт. 1951 — Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.: АН СССР, 1951. Т. 7. С. 254-299.

Шокарев. 2022 — Шокарев С.Ю. Андрей Большой Углицкий. Судьба и эпоха. Углич: Угличе Поле, 2022.

Borkowska. 2000 — Borkowska U. Pacta matrimonialia Domu Jagiellonów // Roczniki Humanistyczne. 2000. Т. 48. Zesz. 2. S. 45-60.

Bogucka. 2018 — Bogucka M. Aleksander Jagiellończyk. Warszawa: Agora, 2018.

Bushkovitch. 2021 — Bushkovitch P. Succession to the Throne in Early Modern Russia. The Transfer of Power 1450-1725. New York: Cambridge University Press, 2021.

Garbacik. 1961 — Garbacik J. Helena (1476—1513), żona Aleksandra Jagiellończyka // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa et al.: Polska Akademia Umiejętności; Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. T. 9. S. 359–362.

Keenan. 1986 — Keenan E.L. Muscovite Political Folkways // RR. 1986. Vol. 45. P. 115-181.

Kollmann. 1986 — Kollmann N.Sh. Consensus Politics: The Dynastic Crisis of the 1490s Reconsidered // RR. 1986. Vol. 45. № 3. P. 235–267.

Łowmiański. 1999 — Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1999.

Martin. 1996 — Martin R.E. Dynastic Marriage in Muscovy, 1500-1729. PhD diss. Harvard University, 1996.

Martin. 2003 — Martin R.E. Archival Sleuths and Documentary Transpositions: Notes on the Typology and Textology of Muscovite Royal Wedding Descriptions // RH. 2003. Vol. 30. P. 253-300.

Martin. 2004 — Martin R.E. Choreographing the ‘Tsar’s Happy Occasion’: Tradition, Change and Dynastic Legitimacy in the Weddings of Tsar Mikhail Romanov // SR. 2004. Vol. 63. P. 794-817.

Martin. 2006 — Martin R.E. Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow // Manuscripta. 2006. Vol. 50. № 1. P. 77-189.

Martin. 2006a — Martin R.E. Introduction: Edward Keenan’s Influence on Early Russian Studies // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3-4. P. 233-234.

Martin. 2006b — Martin R.E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan’s “Slight” Against the Church // CMR. 2006. Vol. 48. № 3-4. P. 283-305.

Martin. 2010 — Martin R.E. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // SR. 2010. Vol. 69. № 2. P. 410-425.

Martin. 2012 — Martin R.E. A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. NIU Press, 2012.

Martin. 2012a — Martin R.E. Law, Succession, and the Eighteenth-Century Refounding of the Romanov Dynasty // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / ed. By B. Boeck, R.E. Martin, and D. Rowland. Bloomington, Ind.: Slavica Press, 2012.

Martin. 2013 — Martin R.E. Truth and Fiction in Sulakadzev's 'Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich // CASS. 2013. Vol. 47. № 4. P. 436-458.

Martin. 2016 — Martin R.E. A Throne which 'not for an instant might become vacant': Law and Succession among the Romanov Descendants // Royal Russia. 2016. Vol. 10. P. 13-19.

Martin. 2021 — Martin R.E. The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745. Cornell University Press, 2021.

Martin. 2021a — Martin R.E. 'Whomsoever He Wishes As His Successor': Paul Bushkovitch on Succession and Absolutism in Early Modern Russia // RH. 2021. Vol. 48. № 2. P. 211-229.

Martin. 2024 — Martin R.E. "I Remember the Days of Old; I Mediate [on All Thy Works]". St. John (Maksimovitch) and His Origin of the Law of Succession in Russia // CASS. 2024. Vol. 58. P. 134-161.

Nițescu. 2021 — Nițescu I. Marrying an Orthodox tsarevna from Rome. Sofiia Palaiologina's Religious Identity in Moscow // CASS. 2021. Vol. 55. № 1. P. 1-23.

Perrie. 2005 — Perrie M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: "National", "Popular" or "Democratic"? // CMR. 2005. Vol. 46. № 1/2. P. 233-241.

Poe. 2000 — Poe M. Rec. ad op.: *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia* by Nancy Shields Kollmann (Ithaca: Cornell University Press, 1999, XIII, 296 p.) // RR. 2000. Vol. 59. № 2. P. 299-300.

Rutkowska, Kozak. 2020 — Rutkowska G., Kozak A. Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka // Średniowiecze Polskie i Powszechne. 2020. T. 12 (16). S. 261-307.

Sucheni-Grabowska. 1997 — Sucheni-Grabowska A. Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1561) // *Homines et societas. Czasy Piastów, czasy Jagiellonów. Studia historyczne ofiarowane Antoniemu Gąsiorowskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin* / pod red. Janusza Bieniaka et al. Poznań: Poznańskie Tow. Przyj. Nauk, 1997. Poznań, 1997. S. 213-223.

Uroff, Poe. 2014 — Grigorii Karpovich Kotoshikhin. Russia in the Reign of Aleksei Mikhailovich / transl. by B.Ph. Uroff; ed. M. Poe. Warsaw: De Gruyter Open, 2014.

Wdowiszewski. 2005 — Wdowiszewski Z. Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce. Kraków: Avalon, 2005.

REFERENCES

Belyakova, Elena. "To the history of the Council of 1572." In *Order and Troubles. State, Society, Man in the East and West of Europe in the Middle Ages and Early Modern Times: On the 85th Anniversary of Vladislav Dmitrievich Nazarov*, ed. by A.A. Frolov. Moscow: Aquilo, 2023: 207-218. (in Russian).

Borkowska, Urszula. "Pacta matrimonialia Domu Jagiellonów." In *Roczniki Humanistyczne*. T. 48. Zesz. 2 (2000), 45-60. (In Polish).

Bogucka, Maria. *Aleksander Jagiellończyk*. Warszawa: Agora, 2018. (In Polish).

Bushkovitch, Paul. *Succession to the Throne in Early Modern Russia. The Transfer of Power 1450-1725*. New York: Cambridge University Press, 2021.

Florya, Boris. "Arsenius of Elasson on the events of the Russian Troubles of the beginning of the 17th century." In *Slavic Almanac 2001*, 79-96. Moscow: Indrik, 2002. (in Russian).

Garbacik, Józef. "Helena (1476—1513), żona Aleksandra Jagiellończyka." In *Polski Słownik Biograficzny*. T. 9, 359-362. Warszawa et al.: Polska Akademia Umiejętności; Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1961. (In Polish).

Gippius, Alexey. "Towards pragmatics and communicative organization of birch-bark literatures." In: Yanin, Valentin, Zaliznyak Andrey, Gippius, Alexey. *Novgorodian literatures on birch-bark: (from the excavations of 1997-2000)*. Vol. 11, 183-232. Moscow: Russian Dictionaries, 2004. (in Russian).

Goryushkina, Lyudmila. "On the choice of days of princely and royal weddings in the first half — middle of the 16th century." In *Rus, Russia: Middle Ages and New Times. Issue 3. Third Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov*. Materials for the international scientific conference. Moscow, November 21-23, 2013. Moscow: MSU, 2013: 99-106. (in Russian).

Grigorii Karpovich Kotoshikhin. Russia in the Reign of Aleksei Mikhailovich, transl. by B.Ph. Uroff; ed. M. Poe. Warsaw: De Gruyter Open, 2014.

Keenan, Edward L. "Muscovite Political Folkways." In *RR*. Vol. 45 (1986): 115-181.

Kollmann, Nancy Sh. "Consensus Politics: The Dynastic Crisis of the 1490s Reconsidered." In *RR*. Vol. 45. № 3 (1986): 235-267.

Koretskiy, Vadim. "Solovetskiy Letopisets of the late 16th century." In *Annales and Chronicles. 1980. V.N. Tatitshev and the studies of Russian chronicle-writing*. Moscow: Science, 1918. (in Russian).

Liseitsev, Dmitriy, Rogozhin, Nikolay, Eskin, Yuriy. *Prikaz-Offices of the Muscovite state, 16th to 17th centuries: Dictionary-reference book*. Moscow; St. Petersburg: Center for Initiatives in Humanities, 2015. (in Russian).

Łowmiański, Henryk. *Polityka Jagiellonów*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1999. (In Polish).

Lurie, Yakov. "Re-emergence of speculation concerning a son of Solomonia Saburova and the oprichnina." In *Russian Literature*. Issue 3 (1986): 114-119. (In Russian).

Malygina, Alla. *Ceremonial of betrothal and coronation of Marina Mnishek by paintings from the collection of the Historical Museum: source study*. Diploma thesis FAD IAI RGGU. Department of auxiliary and special historical disciplines. Moscow, 2012. (in Russian).

Martin, Russell E. *Dynastic Marriage in Muscovy, 1500-1729*. PhD diss. Harvard University, 1996.

Martin, Russell E. "Archival Sleuths and Documentary Transpositions: Notes on the Typology and Textology of Muscovite Royal Wedding Descriptions." In *RH*. Vol. 30 (2003): 253-300.

Martin, Russell E. "Choreographing the 'Tsar's Happy Occasion': Tradition, Change and Dynastic Legitimacy in the Weddings of Tsar Mikhail Romanov." In *SR*. Vol. 63 (2004): 794-817.

Martin, Russell E. "Muscovite Royal Weddings: A Descriptive Inventory of Manuscript Holdings in the Treasure Room of the Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow." In *Manuscripta*. Vol. 50. № 1 (2006): 77-189. DOI: 10.1484/J.MSS.2.301866.

Martin, Russell E. "Introduction: Edward Keenan's Influence on Early Russian Studies." In *Canadian Slavonic Papers*. Vol. 48. № 3-4 (2006): 233-234.

Martin, Russell E. "Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's 'Slight' Against the Church." In *CMR*. Vol. 48. № 3-4 (2006): 283-305.

Martin, Russell E. "The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History." In *SR*. Vol. 69. № 2 (2010): 410-425. DOI: 10.1017/S0037677900015060.

Martin, Russell. "'Gosudareva radost': new sources and textual riddles of manuscript collections that include descriptions of royal weddings

of the XVI-XVII centuries: (on the materials of the Library of the Russian Academy of Sciences)." In *Modern problems of archaeography*, ed. by Maria Korogodina et al. St. Petersburg: LAS, 2011: 240-250. (in Russian).

Martin, Russell E. *A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia*. DeKalb, Ill.: North Illinois Univ. Press, 2012.

Martin, Russell E. "Law, Succession, and the Eighteenth-Century Re-founding of the Romanov Dynasty." In *Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, 225-242. Ed. by Brian Boeck et al. Bloomington, Ind.: Slavica Press, 2012.

Martin, Russell E. "Truth and Fiction in Sulakadzev's 'Chronograph of the Marriages of Tsar Ivan Vasil'evich.'" In *CASS*. Vol. 47. № 4 (2013): 436-458. DOI 10.1163/22102396-04704007.

Martin, Russell E. "A Throne which 'not for an instant might become vacant': Law and Succession among the Romanov Descendants." In *Royal Russia*. Vol. 10 (2016): 13-19.

Martin, Russell. "Improvisation on the theme of dynastic succession: ritual and dynasty at the weddings of the first tsars of the House of Romanov." In *400th anniversary of the House of Romanov, 1613-2013. The politics of memory and the monarchical idea*, ed. By Vladimir Lapin et al. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg, 2016: 50-70. (in Russian).

Martin, Russell E. *The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495-1745*. Cornell University Press, 2021.

Martin, Russell E. "'Whomsoever He Wishes As His Successor': Paul Bushkovitch on Succession and Absolutism in Early Modern Russia." In *RH*. Vol. 48. № 2 (2021): 211-229. DOI: 10.30965/18763316-12340030.

Martin, Russell E. "I Remember the Days of Old; I Mediate [on All Thy Works]'. St. John (Maksimovitch) and His Origin of the Law of Succession in Russia." In *CASS*. Vol. 58 (2024): 134-161.

Nazarov, Vladislav. "Marriage files of the 16th century." In *Questions of History*. Issue 10 (1976): 110-123. (In Russian).

Nițescu, Iulia. "Marrying an Orthodox tsarevna from Rome. Sofiia Palaiologina's Religious Identity in Moscow." In *CASS*. Vol. 55. № 1 (2021): 1-23. DOI: 10.30965/22102396-05501001.

Novikova, Olga. "On the second version of the so called Solovetskii chronicle". In *The Book Centers of the Old Rus'. Solovki monastery*, 214-254. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. (in Russian).

Panova, Tatyana. *Necropolis of the Moscow Kremlin*. Moscow: Moscow Kremlin, 2002. (in Russian).

Pushkareva, Natalia. *Private life of a woman in ancient Russia and Muscovy: bride, wife, mistress*. Moscow: Lomonosov, 2011. (in Russian).

Perrie, Maureen. "The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: "National", "Popular" or "Democratic"?" In *CMR*. Vol. 46. № 1/2 (2005): 233-241.

Poe, Marshall. Rec. ad op.: *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia* by Nancy Shields Kollmann (Ithaca: Cornell University Press, 1999, XIII, 296 p.). In *RR*. Vol. 59. № 2 (2000): 299-300.

Rutkowska, Grażyna, Kozak, Adam. "Kościół w życiu Heleny moskiewskiej, żony Aleksandra Jagiellończyka." In *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. T. 12 (16) (2020): 261-307. (In Polish).

Schmidt, Sigurd. "The continuation of the Chronograph, the 1512 version." In *Historical archive*. Vol. 7, 254-299. Moscow: Academy of Sciences, USSR, 1951.

Shokarev, Sergey. *Andrei Bolshoy Uglitsky. Fate and epoch*. Uglich: Ugleche Pole, 2022. (in Russian).

Stanislavsky, Alexander. *Works on the history of the sovereign court in Russia, 16th to 17th centuries*. Moscow: RSUH, 2004. (in Russian).

Sucheni-Grabowska, Anna. "Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1561)." In *Homines et societas. Czasy Piastów, czasy Jagiellonów. Studia historyczne ofiarowane Antoniemu Gąsiorowskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin*, ed. by Janusz Bieniak et al. Poznań: Poznańskie Tow. Przyj. Nauk, 1997. S. 213-223. (In Polish).

Sukina, Lyudmila. *Imaginary tree: how the first Romanovs invented for themselves the royal genealogy*. Moscow: Prospect, 2022. (in Russian).

Tikhomirov, Mikhail. *Russian chronicle-writing*. Moscow: Science, 1979. (In Russian).

Ulyanovsky, Vasil. "Priesthood" and "Tsardom" at the Beginning of the Troubles: Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy of the East. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2021. (in Russian).

Vakhrina, Vera, Mashtafarov, Aleksander, Florya, Boris. "Arsenius of Elasson." In *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 3, 442-446. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2003. (in Russian).

Wdowiszewski, Zygmunt. *Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce*. Kraków: Avalon, 2005. (In Polish).

Zhukov, Artem. "Vremennik russkii in grades". In *Annales and chronicles. New studies. 2011-2012*, ed. by Olga Novikova, 275-448. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archaeo; Arts of Russia, 2012. (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР.

БАН — Библиотека Академии Наук (Санкт-Петербург).

БМСП — Библиотека монастыря Святого Пантелеймона (Святая Гора Афон).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

МГУ — Московский государственный университет (издательство).

НЛО — Новое литературное обозрение (издательство).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПЭ — Православная энциклопедия.

РАН — Российская академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

СПбГУ — Санкт-Петербургский университет (издательство).

ФАД ИАИ РГГУ — Факультет архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

ЯРК — Языки русской культуры (издательство).

ЯСК — Языки славянских культур (издательство).

CASS — Canadian-American Slavic Studies.

CMR — Cahiers du Monde russe.

RH — Russian History.

RR — Russian Review.

SR — Slavic Review.